

Мария Минц,
Злата Уютная

Слипнется!
Сладкая пышка
для сурового дракона

Мария Минц

**# Слипнется! Сладкая пышка
для сурового дракона #**

«Литнет»

2026

Минц М.

✿ Слипнется! Сладкая пышка для сурового дракона ✿ /
М. Минц — «Литнет», 2026

Только что пекла десерты в ресторане, как вдруг рухнула в другой мир, раздавив свадебный торт короля-дракона. Катастрофа? Нет! Ведь вместе с бисквитом я уничтожила и планы его коварной невесты отравить новоиспеченного мужа прямо у алтаря. Теперь у меня две проблемы: несостоявшаяся королева с врагами короля, которые открыли на меня охоту, и сам король. Вместо благодарности за спасённую жизнь этот чешуйчатый тиран назначил меня помощницей самого бездарного повара в замке. Ну и ладно! Подниму кухню, испеку такие сладости, что все обзавидуются, а заодно и заговорщиков на чистую воду выведу! Эй, чешуйчатый тиран, а ты чего постоянно рядом крутишься? А ну, руки прочь от моей фигуры, а то слипнется!_____ В тексте есть: Бойкая попаданка-кондитер — за словом в карман не лезет и печет шедевры Суровый король-дракон — ледяной снаружи, огненный внутри Бытовое фэнтези — кухонная революция без электричества ✂ # Противостояние характеров — искры будут лететь чаще, чем мука! ♥ # Хэппи-энд — гарантированно вкусно и очень романтично История Адрианок книга выходит в рамках литмоба "Пышные попаданки";

© Минц М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Виселица за торт.	5
Глава 2. Десять минут до эшафота.	8
Глава 3. Профессионалы не сдаются!	11
Глава 4. Кондитерский спецназ	13
Глава 5. Невеста с ультразвуком	17
Глава 6. Клубника со вкусом заговора	20
Глава 7. Прелести кондитерского искусства	23
Глава 8. Скандал у алтаря	26
Глава 9. Свадьба отменяется!	29
Глава 10. Под личным присмотром	32
Глава 11. Чехлы для тощих зонтиков	34
Глава 12. Под горячей рукой короля	36
Глава 13. Контекст имеет значение	38
Глава 14. Тот, кто видит насквозь	40
Глава 15. Искажённая истина	42
Глава 16. На острие пера	45
Глава 17. Чистейшая аномалия	48
Глава 18. Из огня да в полымя	50
Глава 19. Штрафной угол	52
Глава 20. Золото из пепла	55
Глава 21. Ложка дёгтя	59
Глава 22. Следственный эксперимент	62
Глава 23. До рассвета	65
Глава 24. Разрушенная иллюзия	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Глава 1. Виселица за торт.

Только что пекла десерты в ресторане, как вдруг рухнула в другой мир, раздавив свадебный торт короля-дракона. Катастрофа? Нет! Ведь вместе с бисквитом я уничтожила и планы его коварной невесты отравить новоиспеченного мужа прямо у алтаря.

Теперь у меня две проблемы: несостоявшаяся королева с врагами короля, которые открыли на меня охоту, и сам король. Вместо благодарности за спасённую жизнь этот чешуйчатый тиран назначил меня помощницей самого бездарного повара в замке.

Ну и ладно! Подниму кухню, испеку такие сладости, что все обзавидуются, а заодно и заговорищиков на чистую воду выведу!

Эй, чешуйчатый тиран, а ты чего постоянно рядом крутишься? А ну, руки прочь от моей фигуры, а то слипнется!

В тексте есть:

Бойкая попаданка-кондитер — за словом в карман не лезет и печет шедевры

Суровый король-дракон — ледяной снаружи, огненный внутри

Бытовое фэнтези — кухонная революция без электричества

Противостояние характеров — искры будут лететь чаще, чем мука!

Хэппи-энд — гарантированно вкусно и очень романтично

ПРИЯТНОГО ЧТЕНИЯ!

Я рухнула вниз не как прекрасная фея, а как мешок с картошкой.

Секунда свободного падения — и я с сочным хлопаньем приземлилась в нечто мягкое, липкое и подозрительно пахнущее мадагаскарской ванилью.

Глаза нагло залепило что-то, похожее на масло. В нос ударил запах пропитки для бисквитов. В уши — оглушительная, звенящая тишина, какая бывает только на похоронах.

Я протерла глаза, размазав по лицу что-то жирное. Не удержалась, облизнула ладонь... ещё и сладкое!

Секундочку! Это что вообще такое происходит?

Проморгавшись, я кое-как сориентировалась в пространстве. Огляделась по сторонам и охре... обомлела.

— Твою же мышь! — сорвалось с языка.

Я гордо восседала в центре руин. Когда-то был торт. Судя по всему, пятиярусный, красивый, белоснежный, украшенный сахарными лилиями, которые теперь грустно свисали с моих плеч.

А теперь от него остались только обломки.

Сердце сжалось от тревоги, а голова пошла кругом.

Вокруг стояли люди. Много людей. Все — в форме поваров, но какой-то странной. К тому же, с такими постными лицами, будто я лично запихнула в глотку каждому столовую ложку горчицы. Зажала рот и велела проглотить.

Но все они меркли на фоне НЕГО.

Прямо передо мной возвышался красавчик-гигант с глазами цвета арктического льда. Он смотрел на меня так, словно я была наглой мышью, которая пролезла в святая святых, понадукусывала всё, до чего могла дотянуться, и преспокойной уснула на объедках пиршества.

— Э... — только и смогла выдать я.

Что вообще происходит и как я тут оказалась?! Конечно, ресторан, где я работала, был крупным, но на его кухне отродясь не водилось таких вот охренительных красавцев!

И тут до меня с огромным скрипом дошла причина его гнева.

Прямо посередине его широкой груди красовалось огромное жирное пятно! Того же цвета, что и крем на моих руках. Такое же пятно, только поменьше, украшало его скулу.

И тут мне сдуру показалось, что грудь была настолько мощной, что на ней должна была вот-вот лопнуть белоснежная рубашка, не выдержав напора мышц.

— Это... — прорычал он, и его голос прозвучал как низкий гул лавины. — Это что ещё за ярмарочный поросёнок?

По толпе прокатился вздох ужаса, и все в едином порыве отшатнулись, явно перепугавшись.

Но только не я!

От его слов меня пронзила такая обида, что я пулей вылетела из руин торта. Вскочила на ноги и, подлетев к красавчику, ткнула его пальцем в грудь.

Тут же пожалела. Во-первых, пришлось по-дурацки подпрыгнуть, потому что я была на пару голов его ниже. А во-вторых, я едва не сломала палец о его каменные мускулы. Накачался, блин, гусь расфуфыренный!

— Слушай, ты! — прошипела я, — Это я-то поросёнок? Если я люблю свою работу и не выгляжу как обглоданная вобла, это не значит, что меня можно оскорблять! И вообще, на себя посмотри, оглобля ты трёхметровая!

У меня внутри всё забурило. Да, я не модель-фитоняшка, да, фигура у меня больше напоминает сдобную булочку. Но вот так вот навешивать обидный ярлык, да ещё и при такой толпе... кто он вообще такой?

Вдруг до меня дошло, что вокруг воцарилась такая тишина, что было слышно, как падает сахарная пудра с моих волос.

Красавчик замер. Его глаза сузились, превратившись в две ледяные щели, а на скулах заиграли желваки. Остальные шарахнулись в стороны, зачем-то ежесекундно кланяясь ему.

По коже пробежал противный холодок. Мой запал разом угас. Кажется, что-то не так. Почему они все так странно себя ведут?

Красавчик грациозно поднял руку и брезгливо оттер со скулы кусок крема. Все застыли в согнутом состоянии.

— Ты! — прорычал он, сверкнув на меня глазами.

— Я, — ничего не понимая, на всякий случай согласилась я. И растерялась, вдруг уловив его запах. От него пахло морозным утром и какой-то странной свежестью, от которой по коже пробежали мурашки

Лицо красавчика потемнело от гнева. Его голос вибрацией отозвался у меня под рёбрами:

— Ты хоть понимаешь, какое святотатство совершила?

Я машинально оглянулась на руины торта. Целее они не стали.

— Вы про торт? Если он вам так важен, я его могу восстановить. Но большой вопрос, захочется ли мне, учитывая, как вы меня называли...

— Пожалуйста, тише! — ко мне вдруг подскочил какой-то щуплый мужичонка в расшитом золотом сюртуке и мелко затрясся, пытаясь оттащить меня за рукав. При этом, он не забывал постоянно кланяться красавчику, — Вы что творите? Это же Его Величество Джерард Арден! Король Ардонии! Владыка Озёр! Побойтесь богов, замолчите, если вам дорога жизнь!

— К-король? — я на мгновение запнулась, обеда взглядом кухню. Мозг выдал короткое замыкание. — Какой еще король? Вы что, бредите? У нас королей отродясь не было... с утра, по крайней мере...

И тут же подпрыгнула от неожиданности: мне на плечо упала тяжёлая рука. Мужичонка что-то просипел и повалился на пол, трясаясь от ужаса.

— Достаточно, — ледяным голосом отрезал “король”, испепеляюще глядя на меня сверху вниз. Под его тяжёлым взглядом я поневоле съёжилась. Отчего-то страшно захотелось заползти куда-нибудь и спрятаться. Даже дёрнулась в отчаянной попытке вырваться, но хватка у красавчика была стальная.

И глаза.

Его глаза...

Наверное, я свихнулась, но на мгновение мне показалось, что зрачок в них вытянулся в вертикальную нить, а потом снова стал человеческим.

Галлюцинация? Или я всё-таки сильно ударила головой?

— Я видел и слышал достаточно, — пророкотал “король”. — Не знаю, кто тебя подослал, чтобы сорвать мою свадьбу, но дорога у тебя только одна.

— Какая? — пискнула я фиг пойми, зачем.

Красавчик нехорошо прищурился. Мне стало совсем плохо. Ой, не к добру это...

— На виселицу!

Глава 2. Десять минут до эшафота.

“На виселицу”.

Эти слова упали на мою бедовую голову, как пушечные ядра в таз с мукой. Пых — и всё вокруг заволокло белым туманом. Перед глазами заплесали черные точки.

— Какая... виселица? — мой голос дал петуха и сорвался на жалкий писк. — Вы не имеете права! Я гражданка другого государства! У меня паспорт есть!

Я судорожно хлопала себя по бокам и похолодела. Паспорт остался в сумке, а сумка — на работе. А работа осталась у чёрта на рогах, учитывая, какая жесь тут вокруг творится!

Может, я вообще в дурдоме? А этот красавчик со странными глазами — главный псих. Вон, как они ему кланяются.

Пожалуйста, пусть сейчас ворвутся санитары и повяжут всех этих сумасшедших, а?

Я дёрнулась, пытаясь вырваться из стальной хватки Джерарда, но он даже не шелохнулся. Только нахмурился. Его пальцы, казалось, проникли сквозь плотную ткань моего кителя прямо мне под кожу.

— Твои слова не имеют смысла, женщина, — ледяным тоном отчеканил он, глядя на меня сверху вниз с таким выражением, будто я была плесенью на его любимом сыре. — Ты сорвала свадьбу, оскорбила монарха и осквернила свадебный торт. Стража!

— Стойте! — я зажмурилась так сильно, что из глаз брызнули слезы. Господи, Лиза, проснись. Проснись сейчас же! Это просто сон. Это душный цех, я перегрелась у печей, сейчас я открою глаза и увижу Витьку-сушефа, который ржет над тем, как я уснула в мешке с сахаром...

Я изо всех сил ущипнула себя за предплечье. Больно!

С надеждой открыла один глаз. Витьки не было.

Был Джерард Арден, огромный, злой и пугающе настоящий. Пахло не сахаром, а морожом, пропиткой и испорченным тортом.

— Не проснулась, — прошептала я, чувствуя, как по спине ползет холодный липкий пот. — Значит, это всё по правде? И меня реально сейчас... того?

Стражники в тяжелых доспехах уже лязгали металлом за моей спиной. Времени на панику не осталось. Включился режим выживания, который однажды сработал у меня, когда банкет на пятьсот человек вдруг оказался под угрозой срыва.

— Стоять! — рявкнула я так, что даже Джерард на секунду ослабил хватку. — Ваше Величество, вы, конечно, можете меня повесить. Дело нехитрое. Но что делать с тортом?

Я резко развернулась к нему, игнорируя страх, и кивнула в сторону кучи бисквитных обломков, щедро перемешанных с кремом.

— Что ты несёшь? — Джерард брезгливо прищурился. — Торт уничтожен. Его готовили три дня. Его невозможно сделать заново за те пятнадцать минут, что остались до церемонии!

— Невозможно! Невозможно! — прокатился по толпе поваров согласный гул, и все закивали головами.

Я упёрла одну руку в бок и подбоченилась. Сердце колотилось, как бешеное, но я была готова на всё, чтобы спастись.

— А если я скажу, Ваше Величество, — вкрадчиво сказала я, — что мне под силу восстановить этот торт за десять минут?

Арден уставился на меня, как на сумасшедшую. Мы тяжело дышали, в упор глядя друг на друга. В его присутствии я почувствовала себя нахальным крольчонком, который бросает вызов гигантскому волку.

При том, что крольчонок весьма упитанный и волк на него уже облизывается!

Джерард прищурился и окинул меня оценивающим взглядом с головы до ног.

И тут – я чуть было не двинулась кукухой – его зрачки опять сузились! Да что с ним такое-то?!

Вдруг по спине прошёл жар, а внутри всё перевернулось. Словно он заглянул мне в душу и за одну секунду просканировал меня полностью. Дыхание перехватило, а сердце бешено заколотилось где-то в районе горла. Что он со мной...

– Ты блефуешь, – вдруг небрежно бросил Арден, – никому такое не под силу. Стража!

Но в его глазах на миг – на один коротенький миг промелькнуло любопытство. И за него я и уцепилась!

– Я восстановлю этот шедевр! — в отчаянии выкрикнула я. — Дайте мне эти десять минут. Если у меня не получится — вешайте. Я сама на эшафот взойду и еще табуретку подтолкну. Но если справлюсь — вы заберете свои слова про поросёнка назад. И отправите меня домой!

Последнее я представляла себе очень приблизительно. Какое там “домой”, если я даже не представляла, где нахожусь. Но домой очень и очень хотелось. Главное, подальше от всех этих психов.

И от главного психа... пусть и такого красивого, что коленки подгибаются.

“А ну прекрати, Лиза!” – одёрнула я сама себя, – “Нашла время! Да он же скоро женится, к тому же, хамлю первостатейное, кроме того, что с головой не дружит! Нахрена тебе такое счастье?!”

Джерард молчал, явно не догадываясь о моих мыслях. И хорошо.

Тишина на кухне стала такой густой, что её можно было резать ножом. Он смотрел на меня, я — на него.

— Десять минут, — наконец произнес он. Убрал руку и на его губах промелькнула жесткая, предвкушающая улыбка. — Время пошло. И молись всем богам, чтобы твое мастерство оказалось так же велико, как твоя наглость!

Джерард властным жестом велел страже отступить и кивнул на песочные часы, которые один из слуг тут же водрузил на разделочный стол. Тонкая струйка песка неумолимо побежала вниз.

— Десять минут, — повторил он, отойдя на шаг и скрестив руки на груди. — Весь персонал кухни в твоём распоряжении. Но если через десять минут...

— Да поняла я, поняла! — перебила я его, уже не слушая. Адреналин забурился в крови, вытеснив страх. — Все в стороны! Дайте дорогу профессионалу!

Я по-хозяйски обернулась к огромному столу, на котором высились руины торта, и... мой боевой запал испарился так же быстро, как сахарная пудра на сквозняке.

Я замерла, ошалело хлопая глазами.

Потому что за спиной короля не было ни одного привычного мне предмета.

Ни одной розетки. Ни одного миксера. Ни одного самого заваливающего допотопного кухонного комбайна!

Вместо блестящих стальных приборов на меня ехидно смотрели тяжелые медные тазы, каменные ступки и — о боги! — огромная деревянная печь, в которой жарко полыхало пламя.

Местные повара стояли с деревянными ложками наперевес, глядя на мой белый китель так, словно я была инопланетянкой, обещавшей построить ракету из грязи и палок.

У меня предательски застучали зубы от озноба, пробившего тело, несмотря на жару. Я сунула руку в карман кителя, надеясь нащупать хотя бы верный пирометр, но пальцы наткнулись лишь на пустоту и крошки от вчерашнего печенья.

— Эй... — я повернулась к Джерарду, который с ледяной усмешкой наблюдал за моей паникой. — А где у вас тут включается свет?

Король только вздёрнул бровь и молча усмехнулся мне в лицо.

И тут я осознала самое страшное.

Десять минут.

У меня было всего десять минут, чтобы совершить невозможное без единой капли электричества в этом средневековом аду!

Глава 3. Профессионалы не сдаются!

Я стояла перед горой бисквитно-кремового месива.

В голове билась одна-единственная мысль: “Лиза, если ты сейчас не включишь режим шеф-повара, завтра твоя тушка будет украшать виселицу. Скорее всего, виселица не выдержит, но мне-то уже будет всё равно!”

– Так, – я глубоко вдохнула пахнувший ванилью и выпечкой воздух. – Все замерли! Ты, в золотой шапке! – я ткнула пальцем в пухлого мужчину, чей колпак напоминал накрахмаленную башню. – Как тебя зовут?

Однако тот даже не шелохнулся. Он медленно перевел взгляд на Джерарда, потом на своих помощников и... демонстративно сложил руки на груди!

Моё сердце оборвалось, а горло сдавило от дурного предчувствия.

И точно! Толстяк не подвёл.

– Главный мастер по кухне Огюст не подчиняется приказам безродных девок, – процедил он, высокомерно глядя куда-то поверх моей головы. И ядовито припечатал:

– Особенно тем, кто падает с потолка и недалеко ушёл по внешности от ярмарочного поросёнка!

Со всех сторон донеслись одобрительные хмыканья. Даже губы короля, как мне показалось, дрогнули в улыбке.

А у меня запылали щёки от негодования.

Вот же гад! Видит, что я в критическом положении и решил поиздеваться! И не просто поиздеваться, а угодливо подлизнуть своему господину. Ух, держись, так бы взяла поварёшку и как дала бы тебе по лбу!

Но времени на это совершенно не было!

Я порывисто обернулась на Джерарда.

Король-дракон прислонился к массивному косяку двери, скрестив мускулистые руки. В его глазах не было ни сочувствия, ни гнева. Только холодное бесстрастное любопытство.

Он словно говорил: “Ты же заявила, что ты профессионал. Вот и докажи, что можешь управлять не только венчиком, но и людьми. Или добро пожаловать на виселицу!”

Я резко выдохнула и громко спросила:

– Ваше Величество! Могу я попросить кого-то из поваров о помощи? К огромному сожалению, я не осьминог и не управлюсь со всем в одиночку!

Джерард медленно перевел взгляд с часов на мои судорожно сжатые кулаки. На его губах заиграла ленивая, почти кошачья усмешка.

– Надо же, – его голос прозвучал низко и вибрирующе, заполнив собой всё пространство кухни. – Куда же подевался твой боевой задор, а, поросёночек? Ты так громко требовала дорогу профессионалу, а теперь ищешь, за чьи спины спрятаться?

Меня затрясло от негодования. Нет, ну вы его только послушайте! Как издевается, скотина!

Он выдержал паузу, наслаждаясь тем, как я закипаю от гнева. Небрежно кивнул в сторону поваров, даже не удостоив их взглядом.

– Сегодня моя свадьба, так что я неприлично щедр. Бери любого, кто не побоится с тобой связаться. Только помни: если через восемь минут торт не будет готов, вы отправитесь на виселицу все вместе!

Он снова скрестил руки, дав понять, что разговор окончен.

– Время идет, поросёночек, – издевательски прищурился он, – а ты уже потеряла тридцать секунд на болтовню!

Я закрипела зубами так, что, кажется, это услышали все. В груди клокотало лютая ярость.

Вот бы насыпать острого перца ему за шиворот! Или ещё лучше – в штаны! Чтобы явился на свадьбу в боевой готовности!

– Ладно-ладно, Величество, – пробурчала я, – мы с вами ещё поговорим...

Песок неумолимо сыпался в нижнюю часть.

Я окинула быстрым взглядом поваров. Те, кто надо мной зубоскалит, отпадают сразу. Такие никогда в жизни не согласятся помочь. Остаются только...

Намётанный глаз выцепил двух самых молодых поварят, которые жались у стены. Совсем мальчишки, у которых даже намёка на усы не было, в заляпанных мукой фартуках.

Одному, вихрастому и конопатому, на вид было лет четырнадцать. Второй был чуть постарше, с аккуратно зачёсанными под колпак чёрными волосами и серьезным взглядом.

Мальчишки не скалились издевательски, как все остальные. Напротив, в их глазах, когда они смотрели на мои дрожащие руки и испачканный китель, я уловила то, чего меньше всего ожидала здесь встретить.

Проблеск сочувствия.

Кажется, мы с ними были в одной лодке, и они это понимали. Три абсолютно бесправные единицы в этом кулинарном аду.

Я шагнула к мальчишкам.

– Эй, вы двое! – я впилась взглядом в их настороженные лица. – Хотите, я вас по-королевски награжу?

Я изо всех сил постаралась, чтобы мой голос прозвучал не как предсмертный хрип, а как команда генерала перед решающей атакой.

Мальчишки опасливо обернулись на короля, синхронно втянули головы в плечи. Однако конопатый неуверенно кивнул.

– Кто ж от такого откажется, – пробурчал он.

– А что за награда? – подхватил черноволосый.

От меня не укрылось, как вытянули шеи остальные повара, жадно прислушиваясь к нашему разговору.

Улыбнулась. Доверительно наклонилась к мальчишкам и сказала:

– Я раскрою вам такой секрет карамели, за который ваши конкуренты душу продадут! Более того, с такой карамелью вас точно повысят до младших кондитеров, а там и до главных недалеко!

– Но виселица... – проямлил конопатый. Я кинула взгляд на часы: горка внизу стала заметно больше. Время уходило!

Грудь сдавило от небывалого напряжения, но я заставила себя удержать материнскую улыбку на губах.

– Со мной вам никакая виселица не будет страшна, – сказала я настолько твёрдо и уверенно, насколько могла, – держитесь меня, и путь наверх вам будет обеспечен!

Поварята всё ещё колебались. Я их понимала, ведь я просила их ни много ни мало, рискнуть собственными жизнями!

– Со мной у вас есть шанс стать теми, кто спас королевский пир! – в отчаянии добавила я, – Понимаете? Теми, о ком завтра будет шептаться весь замок!

Я протянула руку, ладонью вверх, прямо между нами.

– Либо вы остаетесь чистить картошку до конца своей недолгой жизни под началом этого индюка Огюста, либо за это короткое время становитесь моими соратниками. Ну? Кто со мной за наградой и славой?

Поварята переглянулись и...

Глава 4. Кондитерский спецназ

В воздухе повисла такая тишина, что было слышно, как шуршит песок в часах. Поварята колебались.

Они переводили взгляд с Джерарда на Огюста, который буравил нас злыми глазами, и обратно. В их глазах читалось: “Нас казнят либо сейчас за торт, либо потом за предательство мастера!”

Нужно было дожимать. Я пошла ва-банк.

– Послушайте, – я понизила голос, – Если мы сейчас это провернем и у нас всё выгорит, я не просто научу вас секрету приготовления карамели. Я сделаю так, что вы больше никогда не будете чистить котлы за Огюстом и остальными. Клянусь! – я мельком глянула на короля, – я попрошу Его Величество назначить вас моими личными помощниками. С отдельным жалованьем. Вы станете неприкосновенными для этого самодура в золотом колпаке. Пусть хоть лопнет от злости!

Это был блеф чистой воды. Кто я такая, чтобы раздавать должности в чужом королевстве?

И мой блеф, конечно же, раскусили.

Поварята переглянулись. В их глазах читалось горькое сомнение. Конопатый шмыгнул носом и тихо произнес:

– Госпожа, вы же сами только что из торта. Вы здесь никто. Как вы можете нас защитить, если завтра вас самой может не быть?

Логика железная. Я стиснула кулаки. В голове было пусто-пусто. Все идеи кончились, а виселица издевательски замаячила перед глазами.

И вдруг я почувствовала, что в кармане штанов как будто бы что-то было. Хлопнула себя по бедру и нащупала...

Ну, конечно!

Меня осенило.

– Слушайте меня! – я схватила их за плечи и притянула к себе, игнорируя тяжелый взгляд Джерарда. Решительно затараторила:

– Да, я свалилась с потолка. Но у меня есть такие знания, которых тут точно больше ни у кого нет! Если вы поможете мне сейчас, я сделаю вас носителями уникального секрета!

Я выудила из кармана маленькую, чудом уцелевшую коробочку, которую всегда носила с собой – натуральный экстракт ванили в кристаллах. Настоящее сокровище кондитера!

– Видите это? – потрясла я ей перед ними, – Там мой секрет! Понюхайте!

С этими словами я приоткрыла крышку.

Мальчишки наклонились и несмело вдохнули. Их глаза расширились. Этот аромат – густой, пряный, кружащий голову – не шел ни в какое сравнение с местными пресными запахами.

– Это запах триумфа, парни, – твёрдо сказала я, – если у нас всё получится, вы станете единственными обладателями этой волшебной приправы. За ваши десерты будет настоящая драка, а Огюст не сможет вас уволить, потому что он без вас – просто старик с поварешкой. Главное, сберегите эту коробочку. Ну? Выбирайте: чистить котлы вечно или стать незаменимыми за семь минут?

Этот аргумент... сработал!

Конопатый первый хлопнул меня по протянутой ладони:

– Я с вами! – заявил он, хоть его голос слегка и дрогнул, – Кстати, меня зовут Тим.

– А я Ларс, – присоединился к нему черноволосый, – эх, была не была, госпожа... мы поможем!

– Замечательно! – выдохнула я, почувствовав гигантское облегчение, – Ну, погнали! Времени у нас в обрез. Тим, мне нужен колотый лед, и побольше! Ларс, тащи самые жирные сливки, какие найдешь. И глубокую медную миску, живо! – я сорвалась на командный рык.

Мальчишки брызнули в стороны. Я обернулась к часам: песка сверху осталось меньше половины. Пять минут? Или уже четыре?

В этом мире секунды не тикали, они с шорохом утекали сквозь пальцы.

Я заметила на одном из столов ящик с кухонными приборами, быстро отыскала там три венчика. В шкафу отыскался мешочек с сахарной пудрой и ковш.

Замечательно!

Повара следили за мной, разинув рты, но не мешали. Только Огюст багровел на глазах, пыхтя от злости.

Тим вернулся, волоча лохань со льдом. Ларс спешил следом, таща кувшин, в котором бултыхались сливки. В другой руке у него была зажата большая кривобокая миска.

Кривобокая? Об стену, что ли, саданул? Ну и фиг с этим.

Я поставила миску на лёд и скомандовала:

– Ларс, лей сюда сливки! Да, вот так, молодец. Тим, хватай второй венчик. Взбиваем в шесть рук. Быстро, ритмично, снизу вверх! Нам нужен воздух!

– Но госпожа... холод? – пискнул Ларс, глядя, как я яростно заработала венчиком. – Мастер Огюст говорит, что холод убивает вкус...

– Мастер Огюст застрял в прошлом веке! Холод делает крем легким, как поцелуй феи. И вообще, холод – наш лучший друг! – мотнула я головой, – Он держит жир!

Вжик-вжик-вжик! Звук взбиваемых сливок наполнил кухню, перекрыв гул печного пламени. Плечо прострелило острой болью уже через минуту.

Мой профессиональный “привет”. Семь лет в холодном цеху, тысячи литров крема и неподъемные мешки с мукой не прошли бесследно. Старая травма связок напоминала о себе каждый раз, когда приходилось работать на износ, но сейчас у меня не было выбора.

Либо я преодолею эту боль, либо завтра меня не будет волновать даже укусы комара!

Руки налились свинцом, но я не позволила себе замедлиться ни на миг. Увидела, как Тим закусил губу до крови, стараясь не отставать.

Джерард Арден по-прежнему не шевелился. Он наблюдал за нашей внезапной коалицией с непроницаемым лицом. Но я готова была поклясться: когда повара начали мне помогать, его брови на долю миллиметра приподнялись!

– Хорошо, – выдохнула я, когда венчик начал оставлять четкий след. – Ларс, бросай сливки, выбирай самые крупные куски бисквита! Очищай их от старого крема, режь на ровные кубики. Тим, не останавливайся! Еще чуть-чуть!

Я бросила взгляд на часы. Песка сверху оставалось всё меньше!

– Готово, госпожа! – выкрикнул Ларс.

– Отлично! – я, запыхавшись, мазнула тыльной стороной руки по лбу, – Так, а теперь тащи все красивые бокалы, которые найдешь!

– Зачем тебе бокалы? – вдруг мрачно осведомился король. Я бросила в его сторону уничтожающий взгляд. Ненавижу, когда что-то спрашивают под руку!

– Для дела! – коротко бросила я, – И вообще, Величество, не мешайте... Ларс?

– Бегу! – мальчишка уже нёсся по проходу, воздев высоко над собой несколько сверкающих бокалов, которые он держал за ножки, как букеты дорогих цветов, – Вот, держите...

И тут Огюст, который всё это время стоял у стены, багровый от злости, решил, что его время пришло!

Когда мальчик пробежал мимо него, “мастер” как бы невзначай выставил ногу, обутую в тяжелый кожаный башмак.

– Ларс, берегись! – вскрикнула я. Тим тоненько взвизгнул. Сердце рухнуло в пятки. Я не успею метнуться и перехватить!

Ларс охнул, запнулся и потерял равновесие.

Бокалы полетели вперед, описав в воздухе сверкающую дугу.

Время остановилось. Я будто заглянула в будущее и увидела, как они разлетаются на тысячи осколков, а вместе с ними вдребезги рассыпается и моя надежда на спасение...

Но тут мелькнула стремительная тень.

Джерард Арден сорвался с места. Одним мощным движением он подхватил за шиворот падающего Ларса, а другой рукой – невероятно, но факт! – перехватил “букет” из бокалов прямо в дюйме от каменного пола.

Не знаю, как, но ему удалось виртуозно поймать все бокалы за ножки, не дав разбиться ни одному!

Кухня замерла. Ларс висел в воздухе, смешно дрыгая ногами, а король стоял в идеальном выпаде, держа хрупкое стекло своими длинными пальцами.

Он медленно поставил поваренка на ноги и так же молча развернулся ко мне. Лицо его оставалось бесстрастным, но в глубине глаз полыхнул ярко-синий огонь.

Одним властным движением он сунул бокалы мне прямо в руки. Я машинально пересчитала их – девять штук. Маловато для свадебного пира, но для демонстрации профессионализма – в самый раз... работаем с тем, что есть!

– Продолжай, – коротко бросил он.

На мгновение наши пальцы соприкоснулись, и я почувствовала, как по рукам прошел разряд, похожий на статический ток. Внутри что-то предательски ёкнуло.

“А он... пожалуй, не так-то и плох, как мне показалось”, – мелькнула в голове непрощенная мысль. – “Красивый, да еще и посуду не дал побить... Лиза! Твою дивизию, ну о чём ты думаешь! Тебе ничего не светит! Он занят! Ты готовишь для него свадебный, на секундочку, торт! И невесту свою он точно поросёнком не обзовёт! Так что подбери свои восторги, забудь о глупостях и работай дальше!”

Я тряхнула головой, в ярости прогнав наваждение, и схватила бокалы.

– П-пасибо, Величество. Тим, бегом сюда! Сборка началась!

Я принялась метать слои в бокалы с точностью автомата. Огюст, увидев, что его диверсия провалилась, забился в самый темный угол кухни, шипя от злости и стараясь не отсвечивать под тяжелым взглядом короля.

Хвала всем высшим силам, пропитки в бисквите было уже достаточно.

Бисквит, нежнейшее облако сливок...

Последний штрих – карамель.

– Тим, сахарную пудру в ковш! Только не всю сразу, тонким слоем! – скомандовала я, прикидывая оставшиеся секунды.

Огюст за моей спиной противно хмыкнул:

– Пудра сгорит раньше, чем ты успеешь моргнуть, свинка!

Я стоически проигнорировала его, хоть и скрипнула зубами.

Я знала, что делаю. В обычной жизни я бы взяла сахар и каплю лимонного сока, но сейчас у меня не было времени.

Едва ковш коснулся жара печи, пудра осела, превратившись в прозрачную лужицу. Я сделала резкое круговое движение рукой, распределяя жар. Еще горсть – и в ковше забулькало жидкое золото.

– Хоп! – я выдернула ковш и на долю секунды прижала его дно к ледяной крошке, которую притащил Тим. По кухне разнесся характерный шипящий звук. – Готово. Теперь – тянем!

Если бы я замешкалась хоть на три секунды, вместо украшения мы бы получили горькую черную гарь.

Девять хрустальных бокалов выстроились в ряд, как солдаты на параде. Песок в часах неумолимо приближался к финалу.

– Тим, Ларс, бокалы – в круг! Плотнее! – скомандовала я.

Схватила ковш с кипящим янтарём. Времени на то, чтобы возиться с каждым десертом по отдельности, не было. Я окунула в карамель две обычные вилки, сложив их спинками друг к другу, и резко подняла вверх. Между зубцами растянулись тончайшие, словно светящиеся на свету нити.

– Магия... – выдохнул Тим.

– Простейшая физика! – отрезала я.

И начала неистово вращать рукой над бокалами, игнорируя боль.

Широкие, размашистые движения – я выплела золотую паутину прямо в воздухе. Карамель, остывая на лету, ложилась на сливки невесомыми, пушистыми облаками. Один круг, второй, третий... Нити переплетались, создав сверкающие купола, которые задрожали от движения воздуха.

Девять бокалов превратились в девять изысканных арт-объектов. Последняя капля карамели застыла длинным, острым шипом на краю последнего бокала точно в тот момент, когда Джерард выдохнул:

– Время!

Последняя песчинка упала на горку вниз.

Я замерла с вилкой и ковшом наперевес.

По кухне пронёсся коллективный выдох – повара, кажется, только сейчас вспомнили, как дышать.

Тишина стала звенящей.

Я медленно, стараясь, чтобы пальцы не дрожали, выбрала самый безупречный бокал – тот, где золотая карамельная сетка вышла особенно тонкой. Аккуратно пододвинула его по столешнице к королю.

– Пробуйте, Ваше Величество, – мой голос прозвучал хрипло, но твердо.

Джерард молчал. Его взгляд переместился с моих растрепанных волос на сверкающий бокал.

Огюст немедленно подскочил к нему и согнулся в три погибели, услужливо протянув серебряную ложечку.

Арден зачерпнул густое облако сливок и бисквит.

Отправил ложку в рот.

Весь мир сжался до одной точки. Я увидела, как дрогнули его ресницы. Как замерло его лицо, превратившись в бесстрастную мраморную маску. Секунда, две, три...

Огюст в углу злорадно прищурился, уже предвкушая мой позор. Тим и Ларс сжали кулаки так, что побелели костяшки.

А потом Джерард медленно открыл глаза. Его зрачки, только что бывшие человеческими, на мгновение сузились в тончайшие вертикальные щели.

Он медленно проглотил десерт и посмотрел на меня так, словно видел впервые. В этом взгляде больше не было холода – там было нечто гораздо более опасное.

– Иди сюда, поросёнок, – негромко приказал он.

– Зачем это? – подозрительно осведомилась я, но с места не сдвинулась.

– Подойди. – в его голосе прозвенела сталь. Это не сулило ничего хорошего, и мой желудок тревожно сжался, – Живо!

Глава 5. Невеста с ультразвуком

Я сделала несколько неверных шагов, чувствуя себя так, словно иду по канату над пропастью. Король наблюдал за мной с таким выражением лица, словно я притащила ему на пробу залежавшееся мясо, и попросила оценить степень его свежести.

Но стоило мне приблизиться к Джерарду на расстояние вытянутой руки, как тяжелые створки кухонных дверей с грохотом распахнулись.

– Джерард! Милы-ый! Что это значи-ит?!

По кухне проплыло облако тяжелого, удушливо-сладкого парфюма. Я невольно сморщилась – после тонкого аромата ванили этот запах ударил в нос и вызвал острый приступ головной боли.

От меня не укрылось, как повара вжали головы в плечи и зашептались, кидая опасливые взгляды на дверь.

На пороге стояла незнакомая девушка.

Она была ослепительна. Тоненькая фигурка с осиной талией, затянутая в белоснежный шелк, расшитый серебром. При виде неё мне даже стало тяжело дышать: воображение у меня было хорошее, и я тут же представила, как безжалостно её затягивали в корсет.

Бедные её рёбра!

Мне вдруг стало очень жаль девушку. И на что только красавицы не идут ради фигуры...

Положа руку на сердце – да, я ей позавидовала. Не скрою. Чтобы меня утрамбовать в такой наряд, понадобится пара тракторов, которые будут изо всех сил тянуть завязки на корсете в разные стороны. И то сломаются.

Но хочу ли я идти на такие жертвы?

Нет. Спасибо. Мне и в своём теле неплохо.

Ну, а если тут обошлось без корсета, то я могу только поаплодировать её силе воли или просто хорошей генетике.

У незнакомки была высокая причёска, в которой мерцали драгоценные камни, а вот её лицо было похоже на кукольное. Слишком уж оно было идеальным, мраморным, совершенно лишенным живых эмоций.

Но вся эта идеальность рухнула в одну секунду. Стоило стройняшке открыть свой идеальный рот.

Она окинула кухню брезгливым взглядом и остановила его на мне. Брезгливо поморщилась, увидев мои грязные руки и огромное жирное пятно от сливок на груди.

– Джерард, почему ты до сих пор зде-есь? Гости в Большом зале уже начинают шептаться! Церемония задержана на пятнадцать мину-ут! Это что это за жирная корова рядом с тобой? И вообще, чем здесь так странно пахне-ет?!

У неё была странная манера растягивать гласные и уходить в ультразвук в конце предложений. От этого голова у меня разболелась только больше.

Похоже, это невеста короля...

Теперь я пожалела уже его. Вот же влип! Ему предстоит слушать этот ангельский голосок до конца дней.

– Десерт для наших высокородных гостей требует особого внимания, Селестина, – отчеканил он. Голос его был холодным и твердым, как ледник. – Ты сама настаивала, чтобы на столе у тридцати пяти лордов было нечто исключительное. Вот оно!

Он небрежно кивнул на ряд бокалов с десертом.

Ни слова о том, что изначальный торт превратился в руины по моей вине.

Ни слова о том, что я случайная гостья, свалившаяся с потолка. Король просто прикрыл меня, выставив ситуацию так, будто всё идет по плану.

“Ого!” – пронеслось в голове. – “А он умеет держать лицо. И мою задницу заодно прикрыл. Похоже, не так уж он и плох...”

Селестина подплыла к столу, заглянула в бокалы и брезгливо поморщилась. Развернувшись ко мне и больно ткнула наманикюренным пальчиком в моё плечо

– Это что-о? Ты называешь эти ошметки, залитые кремом, в стекляшке “исключительным десертом-ом”? Это же просто каша! Джерард, как ты мог доверить этой корове десерт, она же выглядит как немытая судомойка-а! Это оскорбление для моих гостей-ей!

Моё мимолётное сочувствие к ней растаяло быстрее, чем пудра в печи.

– Позвольте! – я сделала шаг вперед, оскорблённая до глубины души. – “Ошмётки”, как вы выразились – это авторская интерпретация. А пятна на моём кителе – это следы тяжёлой работы, а не праздного безделья! Работы по обеспечению десертом вашей же свадьбы, между прочим.

– Как ты смеешь открывать свой рот в моем присутствии-и?! – Селестина взвизгнула так, что бокалы жалобно звякнули. – Ты – обычная прислуга-а! Жирная, наглая девка, возомнившая себя мастером-ом! Джерард, вели страже немедленно высечь её и выбросить в канаву-у! Там ей самое место-о!

– Если вы цените в десертах только отсутствие пятен на поваре, то советую пожевать салфетки – они идеально белые! – не удержалась я.

По рядам поваров прокатились едва слышные смешки. Судя по перекосившемуся от злобы лицу Селестины, она их услышала.

– Ты... ты... – она задохнулась, её фарфоровое лицо пошло некрасивыми пятнами. – Ты испортила мне все настроение перед церемонией-ей!

– Съешьте конфетку, должно помочь! – сухо отрезала я.

Джерард внезапно сделал шаг, оказываясь между нами. От него пахло таким холодом, что я невольно замолчала, а Селестина осеклась на полуслове.

– Довольно, – прорычал он. – Селестина, иди в зал. Гости ждут невесту.

– Но Джера-ард...

– Иди, – в его голосе прозвенел металл.

Девица поджала губы, бросила на меня испепеляющий взгляд, обещающий все муки ада. Круто развернувшись, вылетела из кухни, подхватив юбку и оставив после себя шлейф приторных духов.

Арден медленно обернулся ко мне. Я поёжилась, но стойко выдержала его взгляд.

– Ты обещала восстановить торт, поросёночек, – процедил он, – Свою задачу ты провалила. Торга нет. Вместо него – куски бисквита в хрустале.

Меня продрал мороз по коже. Неужели всё зря?! Привет, виселица?

– Но, – продолжил он, и уголок его губ едва заметно дернулся, – вкус у этой “халтуры” такой, что я готов рискнуть своим престижем. На свадьбе триста человек гостей. Две с половиной сотни лордов попроще обойдутся засахаренными фруктами Огюста.

– Благодарю, милорд! – просипел Огюст откуда-то сбоку.

– Но на малом столе – для меня, моей семьи и тридцати пяти избранных лордов – будет стоять этот десерт, – продолжил Арден, проигнорировав его. – У тебя тридцать минут, поросёночек. За это время как раз успеет состояться церемония торжественного представления брачного контракта. Раз уж ты нашла себе команду, – он кивнул на Тима и Ларса, – работайте. Больше никто вам не поможет. Если через полчаса сорок бокалов не будут стоять на столе... виселица всё ещё свободна.

– Погодите, Величество! – я слегка очухалась и включила соображалку, – А почему это опять отдуваться будем только я с ребятами? По-моему, гораздо справедливее будет поручить это всё мероприятие и всем остальным!

Король обжёг меня таким взглядом, что слова застряли в горле.

Вдруг он рывком наклонился ко мне, и от запаха морозной свежести, который хлынул от него, голова у меня закружилась, а в груди почему-то сладко заныло.

– Потому что ты наглядно показала, что только ты и твои подопечные могут с этим справиться, – пророкотал он. Вдруг резко выпрямился и с усмешкой добавил:

– Ну, если хочешь потратить драгоценное время и обучить остальных, я возражать не стану. Полчаса – твои, распоряжайся ими, как хочешь, но десерт должен стоять у меня на столе в назначенное время!

Он коротко мотнул головой, и на одном из столов, как по волшебству, опять возникли песочные часы, только заметно больше.

Арден щёлкнул пальцами, и колба часов перевернулась. Моё многострадальное плечо отозвалось ноющей болью.

Перед глазами поплыли темные круги. В голове промелькнуло малодушное: “Лиза, ты сейчас копыта отбросишь прямо в эти сливки!”.

Песок неумолимо потёк вниз.

Глава 6. Клубника со вкусом заговора

Работа закипела с такой силой, что воздух на кухне, казалось, начал вибрировать. Это была уже не просто готовка – это была настоящая битва!

– Тим, сливки! Еще оборотов! Они должны быть плотными, как пена в штормовом море! – скомандовала я, бросив мимолетный взгляд в сторону мальчика. Мои пальцы в это время виртуозно кромсали бисквит на идеальные кубики. Нож стучал по доске со скоростью пулемета: тук-тук-тук-тук!

– Ларс, сироп! Пропитывай каждый кусочек, но не вздумай превратить их в кашу! Аккуратнее, аккуратнее!

Мальчишки с энтузиазмом взялись за дело. Они больше не жались к стенам. Кажется, они заразились моим безумным азартом.

Тим работал венчиком так, что его чепец съехал на брови, а на щеке красовался мазок крема. Но парень, не моргнув глазом, только досадливо смахнул его.

Ларс притащил ещё бокалов и натирал их до такого блеска, что они начали отбрасывать на стены яркие “зайчики”.

Я то и дело бросала взгляд на огромные песочные часы. Песок не просто сыпался – он летел вниз безжалостным водопадом. Каждая убегающая песчинка – это мой исчезнувший шанс выжить!

– Сорок бокалов, госпожа! – выдохнул Ларс, выставив последний хрустальный стакан в ровную шеренгу.

– Замечательно! – кивнула я, – Тим, как у тебя дела?

– Первая партия сливок готова! – отрапортовал мальчик, сунув мне под нос миску со сливками. Я удовлетворённо кивнула: взбил он их на славу. Они топорщились отличными устойчивыми пиками.

– Молодец! – похвалила я парнишку, и тот просиял, – А теперь – сборка! Тим, переведи дух и начинай взбивать следующую партию!

– Да и без отдыха могу... – попытался вяло посопротивляться поварёнок, но я только цыкнула:

– Не вздумай! Ещё упадёшь тут мне под ноги... считай это моим приказом!

– Ладно, – вздохнул мальчик и прислонился к столу, свесив руки.

– Ларс, поехали! – скомандовала я, – Ты помнишь, как мы всё делали. Слой бисквита, слой крема и... стоп.

Меня вдруг запоздало осенило. Мы же готовим не просто десерт, а десерт для, на секундочку, королевской свадьбы. Как бы я ни относилась к королю или Селестине, я прежде всего профессионал. А это значит, что для королевской свадьбы должна приготовить самый лучший десерт!

Просто бисквит и сливки – это, конечно, хорошо, но не хватает какой-нибудь изюминки...

– Ларс, у вас тут есть какие-нибудь фрукты или ягоды? – отрывисто спросила я. Поварёнок задумался, но вместо него ответил один из поваров, который с любопытством следил за происходящим:

– Была малина и куча заморских фруктов, но всё ушло на украшение столов в Большом зале.

– Госпожа! – Ларс вдруг дернул меня за рукав, его глаза лихорадочно блеснули. – Я вспомнил! В дальнем леднике, в самом низу, стоит ящик звездной клубники. Её привезли сегодня утром из Южных пределов для особого случая!

У меня вспыхнула надежда, но молчавший всё это время Огюст всё испортил.

– Это для десерта леди Селестины на завтрак! – тут же взвился он. – Не смей трогать звездную ягоду, сопляк! Это личный приказ невесты короля!

Я сделала шаг к Огюсту, чувствуя, как внутри вскипела праведная ярость кондитера.

– Значит так, мастер Огюст, – холодно процедила я. – У нас на кону свадебный пир короля. Вам что, клубники для Его Величества жалко? Или вы хотите, чтобы я лично сказала королю, что его десерт испорчен, потому что вы решили припрятать ягоду для утреннего кофе его будущей жены? Как думаете, сильно ему это понравится? А его высокородным гостям?

Ёлки-палки, пока я это говорила, я полноценно почувствовала себя в Средневековье. Короли, Величества, высокородные гости... Ладно, чтобы спасти свою кукуху от отлёта, буду считать это просто костюмированной вечеринкой.

Огюст побледнел. Его кадык нервно дернулся, а спеси поубавилось. Он резко замолчал и отполз, пробубнив что-то злобное под нос.

– А что за ягода такая? – я постаралась, чтобы мой вопрос прозвучал как профессиональный интерес, а не как полное невежество той, кто загремел сюда из другого мира. Быстро продолжила, напустив на себя максимально серьёзный вид:

– У каждого края свои особенности, хочу убедиться, что она не потеряла в качестве при перевозке!

Ларс вытаращил на меня глаза, явно удивившись, что такая всезнающая госпожа спрашивает о прописных истинах. Но время поджимало, и он затараторил:

– Звёздная клубника капризная, госпожа. Чуть придавишь – она гаснет, и вкус становится горьким, как полынь. А если взять её голыми руками, она от тепла пальцев сразу завянет. Нужно брать только специальными костяными щипцами, они там рядом стоят. И выбирать только те ягоды, что светятся ровным фиолетовым светом. Если мерцает – значит, перезрела.

У меня голова пошла кругом. Светятся? Они там что, всех радиоактивными ягодами угощают?!

Ладно, спешим на то, что мир тут и так сумасшедший. Судя по всему, с этой клубникой требовалось обращаться осторожно, и поварятам, при всём уважении, я не могла её доверить. Придётся бежать за ней самой.

– Госпожа, я сбегаю за клубникой! – вдруг очнулся Тим, словно подслушав мои мысли.

– Стой! – тут же осадила я его, – Лучше взбивай сливки. Ларс, как найти ледник?

– Прямо по коридору, мимо гобеленов с драконами, потом пролёт вниз по винтовой лестнице! – Ларс ожесточённо замахал руками, словно взбесившийся вентилятор. – Там будет железная дверь с засовом в виде лапы. Как войдете – идите в самый конец, к нише, обитой мехом горного яка. Там и стоит ящик со звёздной клубникой. Рядом – подставка с щипцами. Только не задерживайтесь, госпожа, ради всех богов!

– Поняла! – я сорвала с себя фартук и схватила большую пустую миску. – Тим, не вздумай останавливаться, сливки должны быть идеальными! Ларс, следи за часами. Если через пять минут не вернусь – начинайте выкладывать основу без ягод, но я успею!

Я выскочила из кухни, чувствуя, как адреналин жжёт вены. Звёздная клубника, костяные щипцы, фиолетовый свет... Господи, Лиза, ты официально участвуешь в безумном кондитерском квесте на выживание!

Коридор встретил меня могильной тишиной и запахом старого камня. Я пронеслась вперёд. Шаги гулко отдавались под сводами.

Гобелены с драконами промелькнули мимо, и каждый из них ехидно смотрел на меня с высоты своего положения. Я не удержалась и мрачно показала им всем язык. Будут мне тут ещё ехидничать!

Буквально скатилась по винтовой лестнице, прыгнула с последней ступеньки.

Впереди показалась та самая дверь с массивной железной лапой. Но стоило мне протянуть руку к засову, как откуда-то сверху донесся приглушенный шепот.

Знакомый, растягивающий гласные ультразвук я узнала бы и во сне.

Я замерла, буквально впечатавшись в холодную стену. Дыхание перехватило.

– Всё должно произойти сразу после того, как он доест эту гадо-ость, которую приготавила эту жирная образина! – прошипела Селестина. – Я не намерена ждать ни минуты больше!

Глава 7. Прелести кондитерского искусства

Я так и обмерла, прижавшись к ледяной стене. А сверху, из решетки вентиляции, сочился яд. Не тот, что в бутылочках, а словесный!

– ...Только помните, что всё должно произойти, когда церемония состоится-а! – вновь донёсся до меня голос Селестины, – Как только мы обменяемся-я клятвами-и, и я стану королево-ой. Не знаю, как, но вы должны всё устрои-ить! Попробуйте хоть что-нибудь перепута-ать! Я вам сама головы поотрубаю-у!

– Но госпожа, – раздался в ответ испуганный мужской голос, – если он не доест десерт? Драконы обладают тонким чутьём...

– Значит, вы должны проследить, чтобы он дое-ел! – Селестина взвизгнула, и я буквально кожей почувствовала её ярость. – Ткните его носом в этот бока-ал! Король должен проглотить всё до последней капли-и! Яд из Южных земель действует медленно, но верно-о. Нам нужно всего десять минут после клятвы, чтобы он успел скрепить договор своей кровью-ю, а не просто сдохнуть на алтаре-е!

– А если стража проверит кухарку? – подал голос кто-то третий, помоложе, – Она же всё будет отрицать!

– Тем лучше-е! – расхохоталась Селестина. – Эту жирную свинью схватят прямо у стола-а. Кто поверит девке, которая подсунула королю свою стряпню? Все решат, что она мстила за унижения-я! Попробуйте хоть что-нибудь перепута-ать! Я вам сама головы поотрубаю-у! Живо на позиции-и!

Тишина, наступившая после её ухода, ударила по ушам сильнее любого крика.

“Вентиляция”, – вдруг запоздало сообразила я, – “скорее всего, наверху находится вентиляционное отверстие, через которое и донеслись эти голоса!”

И тут же мысленно шлёпнула себя по щеке.

Лиза, о чём ты думаешь? Какая тебе разница, как тут передаются звуки, когда тебя явно решили подставить, а короля – отравить!

Руки у меня затряслись. Сейчас, как никогда раньше, мне захотелось оказаться подальше отсюда! Желательно – на кухне родного ресторана. Хоть в спокойный час, хоть в разгар свадьбы какой-нибудь важной шишки, когда надо делать тысячу дел одновременно. Но хотя бы никто не хочет никого травить твоими руками!

Ладно. Ладно. Вдох-выдох, Лиза. Ищем выход... даже если он только там, где вход!

Я глупо захихикала над этой бородатой шуткой, но это помогло мне справиться с первичным шоком. Надо было действовать как можно быстрее!

Метнулась к нише, набрала в миску звёздной клубники. Это оказалась тёмно-фиолетовая ягода, испускающая ровный фиолетовый свет. От неё струился тонкий аромат, похожий на лимонный, и я едва удержалась, чтобы не сунуть в рот одну.

Не время для дегустаций, Лиза!

Подхватив миску, я кинулась обратно, путаясь в собственных ногах.

Я взлетела по лестнице и пронеслась по коридорам, прижимая миску с клубникой к груди, как величайшее сокровище.

В голове пульсировала фраза Селестины: “Жирную свинью схватят прямо у стола”. Да вот щас тебе, дорогая! Сегодня меню будет совершенно другим!

Ворвавшись на кухню, я даже не стала переводить дыхание.

– Тим, Ларс! Сборка! Последний штрих!

Я заработала щипцами с точностью сапера. Фиолетовые ягоды филигранно легли на белоснежные пики сливок, мгновенно подсветив десерт изнутри таинственным мерцанием. Это выглядело так красиво, что на мгновение я забыла обо всех заговорах, вместе взятых.

Чпок!

Последняя ягода заняла свое место в сороковом бокале. В этот же момент последняя песчинка упала в часы вниз.

– Всё! – выдохнула я, вытерев пот со лба тыльной стороной руки, – Нужно везти. Сейчас же. Я его отвезу.

На кухне воцарилась тишина. Повара застыли, а Тим и Ларс переглянулись с таким видом, будто у меня на голове внезапно выросли рога.

– Ты? – Огюст первым обрел дар речи. Его лицо вдруг стало пунцовым, а глаза сузились. – С чего это вдруг?! Это мой триумф! Моя кухня! Я лично должен представить десерт Его Величеству и гостям!

Он сорвался с места и хищно вцепился в позолоченные поручни тележки, рванув её на себя так сильно, что бокалы жалобно звякнули.

– А ну пусти, свинка! Ты своё дело сделала – теперь брысь в угол! – он снова дернул тележку, одновременно пытаясь оттолкнуть меня плечом.

Но я стиснула поручни с другой стороны так, что пальцам стало больно.

Шиш ему! Если этот индюк сейчас укатит десерт, я могу сразу заказывать себе гроб! Селестина не даст мне и шанса оправдаться, когда король упадет.

– Слушай меня внимательно, мастер Огюст! – прошипела я. – Ещё раз ты прикоснешься к этой тележке или назовешь меня свинкой, и я устрою тебе такой “триумф”, что твои кости будут находить в этой печке до следующего полнолуния!

Огюст на секунду опешил, но тут же оскалился:

– Да ты посмотри на себя! Ты в зеркало давно заглядывала? Ты собралась явиться на королевскую свадьбу в этом рваньё? Да ты вся в пятнах, как последняя судомойка! Тебя стража на пороге пристрелит, чтобы не позорила короля своим присутствием! Пусти, я сам отвезу!

Я опустила взгляд. Вот чёрт! Огюст был прав – мой китель представлял собой печальное зрелище: потеки ягодного сока, мазки крема и пыль из подвала. В таком виде я была похожа на кого угодно, только не на спасительницу короны.

Тут я совсем озверела и утробно расхохоталась:

– Ну, рискни! Но помни: если король хотя бы поморщится – я скажу, что ты отобрал у меня тележку силой и что-то испортил по дороге!

Нервы Огюста сдали. Он натурально икнул и отшатнулся, впечатавшись спиной в разделочный стол. Его руки, только что судорожно сжимавшие поручни, взлетели вверх. Похоже, страх за собственную шкуру в нём пересилил тщеславие.

– Сумасшедшая... – просипел он, – Ну и ладно! Иди! Иди и позорься!

– Госпожа, вот! Быстрее! – Ларс, сообразивший, что счет идет на секунды, вынырнул из кладовой с охапкой белоснежной ткани. – Это запасной китель старшего повара, он самый большой из тех, что у нас есть!

Я выхватила одежду у него из рук.

– Тим, Ларс, заслоните меня! – скомандовала я, сбросив грязную одежду.

Новый китель был чистым, хрустящим от крахмала и... катастрофически узким в груди. Похоже, их самый большой повар страдал излишней худобой.

– Застегивай, Тим! – прохрипела я, задержав дыхание.

– Но госпожа, оно же сейчас... – мальчишка зажмурился, но пуговицы кое-как втиснул в петли.

Ткань натянулась так, что я почувствовала себя запеченной уткой, которую слишком туго обвязали бечевкой. Ткань застонала под натиском моих форм, которые совсем не предусматривались покроем.

– Плевать! – выдохнула я, почувствовав, что могу дышать только короткими, прерывистыми глотками. – Главное – белый, а остальное спишем на авторский стиль. Ларс, показывай дорогу!

Я схватила поручни тележки и рванула к выходу так, что колеса жалобно взвизгнули. В голове билась только одна мысль: “Успеть. Только бы успеть”.

Ларс бежал рядом, коротко показывая маршрут.

Грохот по каменным плитам коридоров показался мне громче барабанного боя. Мимо мелькали гобелены, ошарашенные слуги и золоченые канделябры.

Впереди показались огромные дубовые двери зала. Стражники у входа вскинули алебарды, но я, набрав в легкие остатки кислорода, рывкнула:

– С дороги! Личный заказ Его Величества!

Алебарды дрогнули и раздвинулись. Ларс услужливо распахнул передо мной двери, и мы влетели внутрь.

Зал был полон золота и яркого света. Сотни голов одновременно повернулись в нашу сторону. В дальнем конце зала я заметила знакомую фигуру короля и пышное платье Селестины.

Мы с Ларсом ворвались в тот самый момент, когда какой-то старик в пышных одеждах торжественно провозгласил:

– Если у кого-нибудь есть причины, по которым этот союз не может быть заключен, пусть скажет сейчас или замолчит до конца своих дней!

Колеса тележки пронзительно взвизгнули по мрамору, и старик испуганно уставился на меня.

– Я против, я! – задыхаясь от быстрого бега, выкрикнула я. Голос, сдавленный тесным воротником, прозвучал неожиданно высоко и звонко, отразившись от высокого потолка.

В ту же секунду китель не выдержал, и ткань с жалобным треском разошлась, явив народу все мои немаленькие прелести!

Глава 8. Скандал у алтаря

В зале воцарилась такая тишина, что я отчетливо услышала, как где-то наверху испуганно пискнула летучая мышь.

Десятки гостей замерли, боясь пошевелиться. Старик выронил толстую книгу в золотом переплёте, и та с глухим стуком упала на мрамор.

А я стояла посреди прохода и судорожно пыталась прикрыть руками то, что в моем мире называлось “уверенным четвертым размером”, а в этом замке, судя по всему, считалось аномалией. Мой ярко-алый бюстгальтер нагло сиял, как стоп-сигнал в лучах солнца, падающих через витражи.

“Проклятые щедущие повара! – в отчаянии подумала я, пытаюсь свести края лоскутов, которые теперь едва дотягивались до подмышек. – Что они тут едят, одну лебеду? Для кого сшили этот чехол для швабры?! Хочу посмотреть в его глаза!”

Селестина, стоящая у алтаря в своём безупречном платье, сначала просто оцепенела. Её глаза стали похожи на два круглых блюда, а рот беззвучно приоткрылся. Но это продлилось ой, как недолго...

– Это... это что-о?! – её голос прорезал тишину, мгновенно взлетев до того самого ультразвука, от которого у меня тут же заныли зубы. – Джера-ард! Ты видишь это?! Она... она голая! У неё хватило наглости ворваться на нашу свадьбу в одном исподнем!

Селестина ткнула в мою сторону дрожащим пальцем с таким видом, будто я была не человеком, а гигантским слизнем.

– Стража-а! Немедленно схватить эту наглую свинью! Высесть её на площади! Нет, лучше сразу на плаху! Она осквернила нашу церемонию-у! Почему она еще дышит?! Продолжайте венчание-э! Игнорируйте эту сумасшедшую-у!

Она зашлась в настоящей истерике и затопала ногами. Её лицо, до этого напоминавшее фарфоровую маску, пошло красными пятнами, а идеальная прическа съехала набок.

Оттуда вывалился один драгоценный камень и со звоном упал на пол, подпрыгнув пару раз.

Я же стояла, вцепившись в обрывки кителя, и чувствовала, как краска заливает мои щеки. Но отступить было некуда.

Сзади – Ларс, который, кажется, решил слиться с тележкой и стать невидимым, впереди – разгневанная невеста короля. И заодно отличная перспектива стать коротким эпизодом в истории этого мира под заголовком “Безумная голая повариха”.

Ну всё. Приехали. Как говорится, всем спасибо, приятно было познакомиться.

– Уберите её-о! – снова взвизгнула невеста, оборачиваясь к Джерарду. – Джерард, сделай же что-нибудь!

Но король молчал. Он медленно развернулся ко мне, и в его тяжёлом взгляде, я в шоке прочитала не столько гнев, сколько... ошеломление.

– Тише, леди Селестина, – голос старика прозвучал дребезжаще, но удивительно твердо. Он поднял руку, призывая к порядку. – Традиции древнее нас с вами. Если кто-то сказал “я против”, мы обязаны выслушать причину, какой бы... эпатажной ни была форма обращения.

Он опасливо покосился на меня и тут же, явно перепугавшись, стыдливо отвел глаза от моего алого “стоп-сигнала”. Застенчиво добавил:

– Дитя моё, я заклинаю вас... прикройтесь чем-нибудь! Боги, конечно, создали нас по своему образу и подобию, но вряд ли они рассчитывали увидеть такое... м-м-м... изобилие подобия во время венчания короля!

Я только зубами скрипнула, безуспешно пытаюсь свести края лоскутов. Кто-то из гостей фыркнул, безуспешно попытавшись скрыть это за судорожным покашливанием.

Мои щёки пылали просто неистово.

– Да я бы с радостью, – раздосадованно буркнула я, – если бы ваши кутюрье шили на нормальных женщин, а не на вешалки для полотенец!

И тут всё стихло. Почуввав неладное, я вскинула голову и похолодела.

Джерард шагнул ко мне. Его лицо было непроницаемым, как гранитный утёс, но я заметила, как на его шее дернулась жилка.

– Говори, – коротко бросил он. Его голос опасно вибрировал от сдерживаемого напряжения. – В чем причина твоего протеста? Только учти: если это просто жалоба на то, что ты что-то там не успела приготовить, я лично прослежу, чтобы о твоём наказании потом слагались легенды!

– Джерард! – Селестина вновь попыталась вклиниться, её голос сорвался на хрип. – О чем ты говоришь с этой... с этой...

– Молчать! – Арден даже не обернулся к ней, но воздух вокруг него, казалось, мгновенно раскалился.

Он обвел взглядом зал – застывших лордов, хихикающих дам и съёжившегося старика.

Затем снова повернулся ко мне. Я попятилась и заозиралась в поисках выхода – на всякий случай. Вдруг ему сейчас придёт в голову, что гораздо проще избавиться от меня вот прямо сейчас, чем вести какие-то светские разговоры по душам?

Но тут он сделал то, чего не ожидал никто. В том числе, и я!

Одним властным движением Джерард рванул золотую застежку на своей груди. Его тяжелая мантия, отороченная каким-то роскошным белым мехом и расшитая золотыми нитями, соскользнула с широких плеч.

Зал ахнул в едином порыве. Селестина просто подавилась очередным визгом.

Джерард в одно мгновение сократил расстояние между нами и подошёл ко мне вплотную. Меня опалил жар, хлынувший от его тела.

Не промолвив ни слова, он одним быстрым движением накинул мантию мне на плечи. Она была такой огромной и тяжелой, что я невольно присела, зато в одно мгновение оказалась укутана в королевский мех с головы до ног, как в кокон.

Мантия оказалась неожиданно тяжелой, пахнувшей морозным ветром и чем-то неуловимо мужским. Но главное – она была горячей. Тепло тела Джерарда, сохранившееся в меховой подкладке, мгновенно окутало мои дрожащие плечи, словно невидимые руки. Этот жар стал моим единственным якорем в плывущем перед глазами зале. Я почувствовала, как по телу разливается незыблемая сила короля.

В этот момент мне стало ясно: в обиду он меня не даст. Не прямо сейчас.

По крайней мере, пока не дослушает до конца!

– Раз уж здесь все замерли, как садовые статуи, – холодно произнес Джерард, взглянув мне прямо в глаза, – я должен спасти положение. Не хватало еще, чтобы мои гости ослепли от столь яркого зрелища прежде, чем я узнаю правду!

Он задержал руку на моем плече чуть дольше, чем того требовали приличия, и я кожей почувствовала силу его пальцев.

Сердце ёкнуло.

– А теперь, когда твой наряд соответствует моменту, – холодно процедил он, – немедленно объяснись! Почему ты против нашей с Селестиной свадьбы?

Я решила не упускать момент и поплотнее закуталась в мантию. Когда мне ещё выпадет шанс пофорсить в таком роскошном прикиде?

К тому же, я почувствовала, как шок и страх отступают под натиском холодной решимости.

Всё. Рубикон перейден.

– Я против, Ваше Величество, потому что... – я бросила испытующий взгляд на бледную от злости Селестину, – потому что ваша невеста планирует сделать вас не самым счастливым мужем, а самым высокопоставленным трупом этого королевства. Прямо сегодня!

Глава 9. Свадьба отменяется!

По залу прокатился такой гул, будто в закрытом помещении внезапно начался шторм. Дамы дружно схватились за веера, лорды зашущукались, а стражники у дверей синхронно лязгнули доспехами.

Ещё бы! Обвинить невесту короля в покушении на убийство прямо у алтаря – это же тянет на скандал века. Не сомневаюсь, моё сольное выступление будут обсуждать во всех местных гостиных ещё года два, как минимум.

– Ложь! Гнусная, грязная, безумная ложь! – Селестина сорвалась на такой высокий визг, что, кажется, я услышала, как жалобно прозвенели стёкла в окнах. – Джера-ард! Ты слышал?! Эта... эта кухонная девка обвиняет меня в измене! В покушении на твою жизнь!

Она рванулась ко мне, сверкая глазами. Если бы я вовремя не отпрянула, она бы точно вцепилась мне в лицо своими холеными пальчиками.

А так она по инерции пролетела мимо меня, не удержалась на каблуках и повалилась на пол. Её юбка тут же задралась, явив всему честному народу на обозрение стройные ножки в чулках с кокетливыми подвязочками.

Кто-то совершенно не по-аристократически присвистнул, и Селестина побагровела.

– Немедленно вышвырните её-о! – взвизгнула она снова, брызгая слюной. – Казнить! Прямо здесь, сейчас! Отрубите ей голову! Пока её гнилой язык не выплюнул еще какую-нибудь гадость!

Удивительно, но никто даже не шелохнулся, чтобы прийти ей на помощь.

Кое-как, загребая ногами, она попыталась подняться. И тут я пожалела беднягу и, путаясь в тяжёлой мантии, подползла к ней. Протянула руку.

Отравительница или нет, ну не могу я спокойно стоять в стороне и смотреть на её мучения! Не по-людски это.

Селестина вытаращилась на мою руку так, словно я подсунула ей под нос змею. Подняла на меня глаза, и меня ошпарило ненавистью, которая хлынула из них.

– Уйди от меня! – прошипела она, – Ты... ты... ты, грязная свинья! Наглая лгунья! Ты сама решила отравить короля, а теперь пытаешься свалить это на меня?!

Она кое-как поднялась и ткнула мне в плечо пальцем так, что я почувствовала боль даже сквозь мантию.

Я почувствовала, как по телу прошла крупная дрожь негодования. Стиснула кулаки под мантией и, глядя прямо в пылающие глаза Селестины, отчеканила:

– Я готова ответить за каждое своё слово! В тех бокалах с десертом, что уже стоят на столах, подмешан яд. Тот самый, из Южных пределов. Он действует медленно, чтобы вы, леди Селестина, успели произнести клятву и стать законной королевой-регентом до того, как Его Величество испустит дух!

Я нарочно напрягла память и вытащила из неё те подробности по поводу яда, которые успела услышать там, в леднике. Правильно! Чем больше их будет, тем убедительнее прозвучат мои слова!

И это только усилило эффект общего шока.

После этих моих слов в зале повисла просто мёртвая тишина. Кто-то робко кашлянул, но тут же испуганно осёкся. Гости застыли с открытыми ртами. Селестина побледнела до синевы, а потом побагровела. Её грудь бурно вздымалась под шелком корсажа.

Она так упорно молчала, что я вдруг засомневалась: а вдруг я что-то не так услышала? Или не так поняла?

Вдруг я сейчас обвиняю невиновную девушку, которая имела в виду совершенно другое? И первая, на кого сейчас обрушатся все кары, буду я!

Ой-ой-ой...

Внезапно мне страшно захотелось присесть, накрыть голову руками и полностью замостаться в мантию. Сделав вид, что я – не Лиза, а просто такая своеобразная кочка!

И тут этот малодушный порыв испарился без следа.

Дело в том, что я кое-что заметила.

Едва уловимый признак того, что Селестина дико перепугалась: её пальцы, сжимающие кружевной платок, мелко и часто задрожали, а взгляд на долю секунды метнулся к выходу, словно она уже присматривала путь к отступлению. Этот лихорадочный блеск в глазах выдал её с потрохами.

Джерард, до этого хранивший пугающее молчание, шагнул вперёд, поравнявшись со мной.

– Довольно! – его голос, усиленный яростью, заставил воздух завибрировать. – Я не позволю продолжать эту церемонию и окончательно превратить нашу венчание в дешёвый балаган. Свадьба прерывается.

– Джерард! Ты веришь этой... – Селестина осеклась под его ледяным взглядом.

– Хьюберт! – даже не взглянув на неё, отрывисто бросил Арден. Около него тут же материализовался сухощавый мужчина с чопорным лицом, затянутый по самую шею в строгий чёрный костюм. Дворецкий, не иначе, – Повелеваю немедленно собрать все бокалы. Разделить их на две группы: те, что принесли в зал ранее, и те, что привезла госпожа повар. Вызвать алхимиков. Пусть проверят каждую каплю на наличие яда!

– Ваше Величество, это неслыханно! – вдруг подскочил на своё месте какой-то очередной дед в расшитом перьями камзоле, размахивая руками. – Дипломатический скандал! Вы оскорбляете род Южных пределов! Вы понимаете, что нарываетесь на объявление войны?

– Войну я переживу! – отрезал Джерард, и в его глазах полыхнул лёд. – А вот порцию южного десерта в желудке – вряд ли. Исполнять!

Селестина вдруг резко переменялась в лице. Маска ярости сменилась маской оскорбленной до глубины души невинности.

– Значит, так? – прохныкала она и прижала ладонь к шее. Её глаза заблестели от слёз. – Вы подозреваете меня... свою невесту... в таком гнусном преступлении? Я не останусь в вашем доме ни минуты больше-е! Я сама отказываюсь выходить замуж за короля, который верит бредням какой-то вшивой кухарки-и!

Она рванулась к алтарю, схватила с подставки бархатную подушечку с кольцами и с силой швырнула их на пол.

Они со звоном прокатились по мрамору и, покрутившись на месте, синхронно повалились на бок.

Зал ахнул.

– Я уезжаю-ю! – патетически выкрикнула Селестина и, гордо задрав нос, поспешила к выходу.

Проходя мимо меня, она на секунду задержалась.

– Я так этого не оставляю, жирная тварь! – прошипела она мне тихо, так, чтобы её услышала только я.

Меня передёрнуло. От её взгляда мне стало по-настоящему жутко!

Тяжелые двери за ней захлопнулись.

– Свадьбы не будет, – коротко резюмировал король, наблюдавший за её перформансом с абсолютно бесстрастным лицом.

Гости, перешептываясь, начали расползаться, как потревоженные тараканы. Я стояла в полном афиге, пытаясь осознать, что только что произошло.

“Надо линять!” – мелькнула запоздалая мысль, – “Делать ноги, да поскорее! Пусть ищут яд, на здоровье, я к к этому непричастна!”

Я попыталась бочком-бочком улизнуть вслед за толпой, кутаясь в огромную мантию, но тяжелая рука короля упала мне на плечо, намертво пригвоздив к месту.

– Куда это ты собралась, поросёночек? – сверкнул на меня глазами Джерард. – Ты останешься в замке! И будешь находиться под моим личным присмотром до тех пор, пока расследование не будет завершено.

Глава 10. Под личным присмотром

От слов Джерарда по спине пробежал такой холод, что не спасла даже его теплая мантия. “Личный присмотр”? Звучало это как минимум двусмысленно, а как максимум – как приглашение на индивидуальную экскурсию в камеру пыток.

Я всё ещё была для него тем самым “поросёночком”, который превратил его свадьбу (судя по всему, крайне важную!) в филиал сумасшедшего дома. Спасенная жизнь – это, конечно, аргумент, но сожженная репутация и сорванный политический союз обычно перевешивают на весах правосудия.

Джерард обернулся к стражникам, чьи алебарды зловеще блеснули в свете затухающих свечей.

– Препроводить её в Крыло Скорби, – коротко бросил он. – И глаз с неё не спускать. Если она исчезнет – ваши головы займут её место на плахе!

У меня внутри всё просто рухнуло. “Крыло Скорби”? Серьезно?! Это что, местный аналог склепа или пыточного подземелья, где светят только глаза голодных крыс? Я уже открыла рот, чтобы возмутиться (или хотя бы жалобно попросить помилования и заменить “Скорбь” на что-то более оптимистичное, вроде “Крыла Завтраков”), но Джерард вдруг резко шагнул ко мне.

Его рука перехватила мое запястье. Хватка была стальной.

– А это чтобы ты не вздумала проверять крепость моих стен на прочность! – прошипел он, глядя мне прямо в глаза.

Я только нервно сглотнула и попыталась отодвинуться – так далеко, как это вообще было возможно.

Получилось... никак, честно говоря, не получилось. Максимум, на что меня хватило – прогнуться назад, и то несильно.

Я почувствовала резкий укол в районе запястья, будто меня ужалила крупная оса.

На секунду кожа вспыхнула золотистым светом. На ней проступил странный узор, похожий на переплетенные драконьи крылья, обвившие мою руку.

– Эй! – возмущенно пискнула я, – Я вообще не давала своё согласия на подобные украшения!

– А это чтобы тебе не пришло в голову покинуть замок, – холодно пояснил король, отпустив мою руку. – Твоя метка привязана к моей воле.

Я уставилась на своё запястье. Выглядит даже красиво, как золотистый браслет, но на деле... как эта штука вообще работает?

Не удержавшись, я потёрла её большим пальцем. Похожа на переводную татуировку из жвачки, которые мы с девочками обожали обклеивать себя в школьном возрасте.

– Можешь даже не пытаться её оттереть, – негромко произнес Джерард, внимательно наблюдающий за мной. – Метка дракона – это не просто рисунок. Это поводок.

Он сделал полшага назад, но я всё равно чувствовала исходящий от него жар.

– Как только ты переступишь границу внешнего двора, метка начнет жечь. Чем дальше ты будешь уходить от замка, тем сильнее будет боль, пока твоё сердце просто не откажется биться. Теперь твоя жизнь принадлежит этому замку. И мне.

Мне словно молотком по кумполу съездили.

– Ну знаете, Величество! – возмутилась я, – Я против такого бесчеловечного обращения! Ладно бы вы штраф наложили, так нет же! Ну и порядочки тут у вас.

Джерард вздёрнул бровь.

– Бесчеловечного? – пророкотал он, и от этого звука у меня где-то в районе солнечного сплетения всё сжалось в тугую узел. – Ты ворвалась в святилище, сорвала королевское венча-

ние, выставила мою невесту отравительницей, а меня – посмешищем перед всем двором. В любом другом случае ты бы уже кормила ворон на воротах моего замка!

Он на мгновение задержал взгляд на моих губах. В этот миг я забыла, как дышать, и дело было вовсе не в магии...

А в чём тогда? Лиза! Соберись!

Король снова взглянул мне в глаза, и я тут же напустила на себя отстранённый вид.

– Не путай моё любопытство с милосердием, поросёночек. Твои права здесь заканчиваются там, где начинается моя воля. И сейчас моя воля такова: ты идёшь под замок и молишь всех богов, чтобы алхимики нашли в бокалах хоть каплю яда. Потому что если ты солгала, то боль от метки покажется тебе ласковым поцелуем!

Слова застряли у меня в горле, колючие и сухие, как наждачная бумага.

Я хотела было что-то вякнуть про права человека и презумпцию невиновности, но язык просто отказался двигаться. Все мои возмущения показались писком мыши, на которую летел метеорит!

Джерард коротко кивнул стражникам.

– В Крыло Скорби. Живо.

И небрежно кинул мне:

– Увидимся позже. Когда я решу, что с тобой делать!

Меня повели по бесконечным гулким коридорам. Я уже мысленно прощалась с небом, солнцем и нормальной едой, прикидывая, сколько слоев плесени будет на стенах моей камеры в этом проклятом Крыле.

Я даже взялась считать повороты и лестницы, по которым меня вели, но быстро махнула рукой на это дело. Смысл? Кому мне потом описывать этот маршрут?

Когда стражники распахнули тяжелую дубовую дверь в самом конце фиг знает какого по счёту коридора, я замерла, не веря своим глазам...

Глава 11. Чехлы для тощих зонтиков

И немудрено!

После слов Величества о Крыле Скорби я была готова увидеть всё, что угодно. От затхлой комнатухи, полной голодных и злых крыс до каменного мешка на самом верху мрачной башни. Куда еда подаётся раз в год, и то по большим праздникам!

Но вместо всех этих ужасов я увидела перед собой небольшую, сухую и вполне уютную комнатуху.

С камином, в котором уже весело потрескивали дрова, мягким креслом и – ну ни хрена ж себе! – окном, выходящим во внутренний двор.

А главное, здесь дразняще пахло свежим хлебом и жареным мясом. Похоже, кухня была совсем рядом!

Я стояла в дверях, не в силах пошевелиться, и чувствовала, как из меня длинным, рваным выдохом вышел весь накопившийся ужас.

Ноги внезапно сделались ватными, и если бы не тяжелая рука стражника, подтолкнувшая в спину, я бы, наверное, так и осталась подпирать косяк.

– Ой божечки... – прошептала я, во все глаза разглядывая пушистый ковер и кровать, которая на вид была мягче, чем все мои мечты о спасении вместе взятые. – Здесь даже нет скелетов, прикованных к стенам? Вы точно ничего не перепутали?

Сделала несмелый шаг внутрь, чувствуя, как тепло от камина лижет мои босые лодыжки.

После ледяного сквозняка большого свадебного зала это место показалось почти раем. Я уже была готова признать, что у Джерарда весьма специфическое чувство юмора и “Крыло Скорби” – это какая-то местная шутка для своих...

Но тут мой взгляд упал на окно.

Радость сдулась, как проколотое суфле.

Нет, окно было на месте, вот только стекло пересекали толстые, в палец толщиной, кованые решетки. Я обернулась к стенам и заметила, что и там, под гобеленами, проглядывает такой же металл.

– Ну, располагайтесь, – буркнул один из стражников, который выглядел чуть менее суровым, чем остальные. – Сидите пока тут, грейтесь. За вами чуть позже придут и просветят по поводу вашей дальнейшей судьбы. Его Величество распорядился, чтобы вы были под рукой, когда алхимики закончат свой шабаш с бокалами!

– Просветят, значит? – нервно хмыкнула я. – Надеюсь, это не подразумевает просвещение насквозь в казематах...

– Сидите тихо, и всё будет нормально, – философски заметил второй и с лязгом захлопнул дверь.

Щелчок замка прозвучал вполне буднично. Я осталась одна. Тишина в комнате прерывалась только уютным потрескиванием дров.

Первым делом я, конечно же, скинула мантию.

Она была роскошной, теплой, но весила примерно как мешок картошки, и мои плечи уже начали протестовать. Особенно больное.

Оставшись в одном алом лифчике и рабочих штанах, я поежилась. Вид у меня был, мягко говоря, не для аудиенции.

Взгляд упал на массивный платяной шкаф в углу.

– Так, – решительно сказала я, направившись к нему. – Посмотрим, что тут у нас...

Распахнула дверцы, ожидая увидеть хоть что-то подходящее, но реальность снова дала мне под дых.

Внутри висело несколько платьев – тончайший шелк, изысканная вышивка, кружева... и размеры, рассчитанные на каких-то недокормышей.

– Серьёзно?! – я выудила нежно-голубой наряд и приложила к себе. – Да в это платье я разве что ногу просуну! Они тут что, все на диете из росы и солнечного света сидят? Кутюрье хреновы... Это не одежда, это чехлы для зонтиков! Очень тощих зонтиков.

Яростно перерыла всё содержимое, попутно ворча под нос про “тщедушных девиц” и “отсутствие нормальных женских форм” в этом мире.

На самом дне, за грудой расшитых ридикюлей, обнаружилось нечто темно-серое и бесформенное.

Это оказался какой-то то ли подрясник, то ли старый халат из плотной, грубой ткани. Размером он был на сытого великана, зато в нем можно было спрятать не то что Лизу, а Лизу вместе с той самой тележкой десертов.

– За неимением гербовой пишем на простой! – вздохнула я, влезая в этот балахон.

Затянула пояс потуже, трижды обернув его вокруг талии. Выглядела я теперь как очень печальный, но очень упитанный монах. Полы волочились по полу, рукава пришлось закатать в пять слоев, но зато – ура! – моё роскошное тело было прикрыто.

Едва я закончила возиться со своим модным приговором, как в дверь снова постучали. Но на этот раз звук был тихий и суетливый.

– Госпожа? Вы там как? – послышался приглушенный голос Ларса. – Я тут... это... принес кое-чего. Огюст совсем озверел, но я успел урвать поднос!

Ларс ловко просунул поднос в специальное окошко в низу двери. По комнате поплыл густой аромат запеченных трав и томленного мяса. Мой желудок, до этого изображавший немую скорбь, мгновенно исполнил победный марш.

– О боги, Ларс, ты – святой человек! – выдохнула я, подхватив поднос.

На нём теснились остатки королевской роскоши: золотистая утиная ножка, ломти свежего хлеба и пара кусков нежнейшего сыра. Забыв о манерах, я устроилась в кресле у камина и водрузила поднос на колени.

Голод был зверским, но привычка – второй натурой.

Даже в этом дурацком сером мешке я ела хоть и быстро, жадно, но аккуратно. Ни единой крошки не упало на ковер, ни одна капля соуса не коснулась моих закатанных рукавов.

Я методично разбирала мясо на волокна, наслаждаясь каждым кусочком, и чувствовала, как вместе с калориями ко мне возвращается бывшая уверенность.

– Ну, по крайней мере, если меня завтра потащат на плаху, я не упаду в голодный обморок по дороге! – пробормотала, дожевывая последний ломтик хлеба.

Я как раз отставила поднос на столик, когда засов на двери лязгнул.

Я тут же замерла, рефлекторно выпрямив спину.

Дверь медленно отворилась, и на пороге возник Арден. Без короны и тяжелого камзола, в одной лишь белой рубашке с расстегнутым воротом, он по казался еще выше, чем в храме. Его взгляд мгновенно просканировал комнату, задержался на пустом подносе и, наконец, уперся в меня.

Бесцеремонно ощупал мой новый прикид.

Я внезапно почувствовала себя очень маленькой в этом огромном балахоне...

– Вижу, аппетит ты не потеряла, – негромко произнес он, закрыв за собой дверь. – Это хорошо. Значит, силы на долгий разговор у тебя найдутся.

Глава 12. Под горячей рукой короля

Джерард стремительно пересёк комнату.

Каждый его шаг отдавался в моих ушах глухим ударом сердца. Я сидела, вжавшись в кресло, и чувствовала себя крайне нелепо: босые пальцы ног испуганно подогнулись, пытаюсь спрятаться под подолом гигантского балахона, а закатанные в пять слоев рукава делали мои руки похожими на два валика.

Король остановился так близко, что я почувствовала пышущий от него жар – тяжелый, почти осязаемый, как от разогретой печи.

И – вот такая штука – на этот раз он не рычал на меня и не орал. Напротив, его тон стал пугающе вкрадчивым.

От этого меня продрал ещё бóльший мороз. Не к добру это, ой, не к добру!

– Крыло Скорби обычно навеивает мысли о покаянии, – он окинул мой наряд ироничным взглядом, – но ты, поросёночек, кажется, восприняла это слишком буквально. Решила уйти в монастырь, не дождавшись приговора? Или это новый писк моды в тех краях, откуда ты явилась?

Так, ну всё. Стоило ему произнести это слово, как вспыхнувшее негодование мигом вытеснило страх.

– Так, Ваше Величество, – решительно сказала я, для пущей храбрости вцепившись в подлокотники. Щёки вспыхнули уже не от страха, а от праведного гнева, – давайте-ка кое-что проясним. Во-первых, я не поросёночек! У меня есть имя. Лиза. Елизавета, если вам так больше понравится. А во-вторых, мой нынешний наряд – это результат того, что в вашем замке наряды шьются либо на анорексичек, либо на палатку для цирка-шапито! Выбирать не пришлось, знаете ли.

Я попыталась гордо вскинуть подбородок, но из-за гигантского воротника балахона это выглядело так, будто я пытаюсь выглянуть из глубокого колодца.

Похоже, на короля мой гнев не произвёл особого впечатления. Он вздёрнул брови и усмехнулся уголком рта, словно говоря: “Ну? Что ещё скажешь?”

Меня это взбесило чрезвычайно.

– И вообще, – я набрала в груди побольше воздуха, игнорируя тот факт, что Арден выглядел надо мной, как скала над прибрежной галькой, – я вам жизнь спасла! Рискнула головой и... кхм... остатками гардероба. А вы меня клеймите преступницей, запираете в какой-то чулан и обзываете свиньёй!

Джерард на мгновение замер. В его золотистых глазах мелькнуло нечто, подозрительно похожее на ошеломление. Видимо, в этом мире было не принято отчитывать монархов, сидя перед ними в сером мешке и размахивая куском утки в кулаке.

– Благодарность? – эхом отозвался он. Его голос стал ещё тише, вибрируя где-то у меня в позвоночнике. – Ты требуешь благодарности после того, как превратила моё венчание в самый громкий фарс столетия?

Он вдруг резко сократил последние сантиметры между нами, опершись руками на подлокотники моего кресла и буквально заперев меня.

– Елизавета, значит, – его горячее дыхание коснулось моей щеки, и я внезапно забыла, как возмущаться. – Хорошо. Давай поговорим как взрослые люди. Без “поросёночков”.

Он выпрямился, скрестил мощные руки на широкой груди и отрывисто велел:

– Рассказывай. Кто ты на самом деле? И откуда ты взялась, если ни один стражник не видел твоего появления, а стены кухни до сих пор украшает дыра в потолке, через которую ты выпала?

– Я не местная, – выпалила я, понимая, что звучит это как начало очень плохого анекдота. – В смысле, совсем не отсюда. Не из этих ваших Южных пределов, не из-за моря... Я из другого мира. Там нет магии, зато есть электричество и интернет. Это... это...

Я опять сбилась. А если он сейчас потребует объяснить, что такое электричество, например? Что я скажу? Что в стене сидит гномик и через розетку подает энергию в бытовые приборы? А ведь как-то так и будет, потому что мои познания об электричестве примерно на таком уровне!

Но Джерард промолчал. Я увидела, как его глаза сверкнули ледяным блеском.

– Я была шеф-кондитером, – продолжила я, от нервов отчаянно жестикулируя, – У меня в подчинении было сорок человек и кухня размером с ваш тронный зал! Я просто стояла у плиты, а в следующую секунду... бац! Провалилась сквозь пространство прямо к вам. Я не шпионка, я просто жертва... м-м-м... какого-то глупого фокуса!

Пауза. В камине громко треснуло полено.

Джерард переспросил:

– Другой мир? – в его голосе звякнул холодный металл. – Ты понимаешь, насколько абсурдно это звучит? В наших хрониках есть легенды об иномирных, но это сказки для детей, Лиза. Путники на кораблях из звездного металла, герои древности... но никак не девица в алом белье, претендующая на звание магистра кухонных наук!

Он снова окинул меня цепким взглядом и брезгливо дёрнул губой. Я вспыхнула и демонстративно замоталась в балахон.

Король наклонился, и его пальцы – горячие, обжигающие – внезапно сомкнулись на моём запястье, прямо поверх золотистой метки. Узор мгновенно отозвался пульсирующим теплом, от которого у меня по загривку пробежали искры.

– Ты явно не понимаешь серьёзности своего положения, – понизив голос, пророкотал он, и его большой палец медленно провёл по контуру браслета. – За твоим появлением стоит магия. Мощная. Советую перестать кормить меня глупыми байками про какой-то там “интернет”.

Я попыталась дёрнуть рукой, но у короля была стальная хватка.

– Слушай меня внимательно, – Джерард впился взглядом в мои глаза. – Я уже отдал приказ. Утром в замок прибудет королевский дознаватель. Этот человек выпотрошит твою память по кусочкам. И если он решит, что ты лжёшь, Крыло Скорби оправдает своё название.

Я сглотнула.

– Но это правда! – воскликнула я.

Джерард наконец отпустил мою руку, но ощущение его пальцев на коже осталось, как клеймо.

– Тогда до рассвета придумай, как это доказать! – отрезал он.

Глава 13. Контекст имеет значение

Слова Ардена о дознавателе подействовали на меня как ведро ледяной воды, вылитое за шиворот.

Я впала в какой-то странный, вязкий ступор. В голове образовался вакуум, в котором гулким эхом билось только одно слово: “Допрос”.

Нет, не так.

“ДОПРОС!!!”

В своей прошлой жизни самым страшным криминалом я считала переход дороги в неположенном месте или – каюсь – парковку на газоне у ресторана, когда опаздывала на смену.

А сейчас я сидела в чужом мире, обернутая в серую дерюгу, и ждала встречи с местным Шерлоком Холмсом. Который, судя по тону короля, сразу вцепится в меня, как пиранья!

Перспектива оказаться перед лицом дознавателя и доказывать, что я не верблюд, выбивала почву из-под ног.

Но через мгновение паника отступила, пропустив вперёд спасительную мысль. Резкий укол осознания заставил встрепенуться.

– Постойте! – я подпрыгнула на кресле, путаясь в полах балахона. – Разве вы не понимаете? Селестина сбежала, а значит, я права! Величество, ну сами посудите! Невинные невесты не дают дёру с места в карьер. Если бы ей нечего было скрывать, она бы сейчас рыдала на вашем плече и требовала моей головы на блюде!

На секунду мне показалось, что я нашла ту самую победную карту. Ну ведь логично же! И куда проще, чем я с перепугу подумала вначале!

Я даже позволила себе победоносную улыбку облегчения.

Сейчас Джерард хлопнет себя по лбу и скажет: “Точно, Лиза, как я сам не догадался? Ты гений!”.

Но король даже бровью не повел. Его лицо осталось таким же непроницаемым, как гранитная скала.

– Невинные невесты не сбегают... – задумчиво повторил он мои слова, но с такой интонацией, будто я только что сообщила ему, что трава зеленая, а вода – мокрая. – Однако принцессы, чья честь была растоптана перед всем двором, имеют полное право покинуть замок, чтобы не видеть лица своего оскорбителя. В глазах всех, кто был на церемонии, её отъезд – это жест гордости, а твоё появление – акт агрессии!

Он холодно пожал плечами. Этот жест уязвил меня сильнее, чем если бы он снова начал на меня рычать!

– Так что побереги своё красноречие, – отрезал Джерард, берясь за ручку двери. – Чуть позже донесешь эти соображения до дознавателя. Если он, конечно, захочет тебя выслушать. В первую очередь, его работа – копаться в чужой памяти и вытаскивать улики, которые свидетельствуют за или против виновности испытуемого. А я склонен доверять фактам, а не домыслам кухарки!

Слово “кухарка” резануло по ушам, как вилка по стеклу.

Я? Шеф-кондитер с мировым именем, у которой десерты заказывали арабские шейхи, теперь просто кухарка в чужом халате?

Обида вспыхнула ярким пламенем, но я заставила себя её проглотить. Сейчас на кону стояла моя голова, а не профессиональное реноме!

– Постойте! – я порывисто дёрнулась вперёд. – Копаться в памяти – это как? Он просто посмотрит мои мысли, как картинки?

Джерард обернулся, и в полумраке комнаты его фигура показалась мне ещё массивнее.

– Если бы всё было так просто, Елизавета, нам не нужны были бы дознаватели, – сухо сказал он. – Они используют артефакт – Зеркало Истины. Оно не читает мысли, а вытягивает яркие, пропитанные твоими эмоциями образы. Но у Зеркала нет контекста. Оно не знает, о чём ты мечтала и чего боялась “до” или “после”. Оно видит только “сейчас”.

У меня внутри всё похолодело.

– И в чём подвох? – мой голос предательски дрогнул.

– Подвох в том, – Джерард сделал шаг обратно вглубь комнаты, – что Зеркало беспристрастно и слепо. Оно отражает силу чувства. Если в момент, когда ты якобы услышала Селестину и почувствовала вину или ощутила себя саму преступницей, то Зеркало может показать это как твой собственный страх разоблачения.

Я вспомнила те минуты в кладовой. Сердце, готовое выпрыгнуть из груди. Панику от осознания того, что я вляпалась во что-то серьёзное. И навязчивая, маниакальная мысль о том, что мне во что бы то ни стало нужна звёздная клубника для того проклятого свадебного десерта...

О нет!

Я вцепилась в подлокотники кресла так, что побелели костяшки.

Перспективы нарисовались самые нерадостные.

Если я в тот момент думала о клубнике и о том, как я вляпалась, Зеркало может решить, что это я хотела что-то сделать с ягодами!

Я почувствовала, как по спине потек холодный пот. Мои собственные воспоминания, моя единственная защита, превратились в смертельную ловушку.

Джерард развернулся к выходу.

– Удачи, Елизавета. Она тебе понадобится. – сухо бросил он.

Дверь захлопнулась с таким окончательным звуком, будто заколотили крышку гроба. Щелкнул замок. Тишина, воцарившаяся в комнате, теперь показалась мне не уютной, а удушающей...

Всю оставшуюся ночь я провела в состоянии, которое можно было бы назвать энергичным безумием.

Сначала металась по комнате, подметая полами балахона ковер. Потом пыталась медитировать, с трудом усевшись в позу лотоса.

“Я спокойна, я – скала, я просто пришла за клубникой”, – твердила я себе под нос, зажмурившись до цветных пятен в глазах.

Но стоило мне закрыть веки, как память услужливо подсовывала тот самый момент в леднике: слова Селестины про яд и моя собственная животная паника. В моем воображении эта паника раздулась до небес, заслонив собой и невесту короля, и её таинственного сообщника...

...К середине ночи я пришла только к тому, что извела себя до такой степени, что кусок утки, съеденный недавно, камнем лег в желудке.

Рассвет прокрался в окно серыми, холодными пальцами. Решетки на стекле проступили чёткими чёрными штрихами, напомнив о том, где нахожусь.

Я встала, невыспавшаяся, с гудящей головой и твёрдым убеждением, что иду не на допрос, а на эшафот!

Когда в коридоре раздался тяжелый, размеренный топот сапог, я даже не вздрогнула. Просто выпрямила спину, одернула свой серый мешок и приготовилась.

Засов лязгнул. Дверь распахнулась, впустив в комнату холодный утренний сквозняк и двух стражников в полном облачении.

– Пора, – коротко бросил один из них. – Господин дознаватель не любит ждать.

Глава 14. Тот, кто видит насквозь

Помещение, которое стражники обозвали Залом Допросов, встретило меня гнетущей тишиной и ледяным сквозняком.

В моей прошлой жизни в таких помещениях обычно снимали фильмы ужасов или допрашивали самых отпетых рецидивистов. Здесь не было ни намёка на уют: голые каменные стены, покрытые толстым слоем многовековой пыли, пара хлипких деревянных стульев и ОНО – Зеркало Истины.

Именно с большой буквы. Для пущего эффекта.

Когда король упомянул о нём, я представила себе обычное стекло в вычурной золотой раме с какими-нибудь финтифлюшками.

Только реальность оказалась куда более пугающей. Зеркало напоминало вертикальный пласт застывшего тёмного льда, вывышающийся в центре комнаты. Его поверхность была неровной, шероховатой и покрытой странными узорами, напоминающими морозные узоры на окнах.

Когда я, робко семеня за стражниками, приблизилась к нему, то его тут же окутал морозный пар. В тёмных глубинах затеплился тусклый призрачный свет, а по льду поползли капли. Похоже, он начал медленно подтаивать.

– Это ещё что за чертовщина? – прозаикалась от волнения я, – Так и должно быть? Или это плохо? Эй! Не молчите!

Но стражники застыли по обе стороны зеркала, притворившись слепоглухонемыми.

Сердце колотилось в груди, готовое выпрыгнуть наружу. Мне было до чертиков страшно. Я почувствовала себя беззащитной мышкой, запертой в клетке с огромным голодным котом!

Упитанной такой мышкой. Которую кот захочет непременно сожрать!

– Это нормально. Лёд реагирует на присутствие живого разума, – раздался низкий, лишённый всяких эмоций голос.

Я вздрогнула и резко обернулась.

Из густых теней в дальнем углу зала выступил мужчина. Он не был дряхлым стариком, как я себе нафантазировала в камере. На вид ему можно было дать лет тридцать пять, но выглядел он так, будто его высекли из того же тёмного льда, что и само зеркало.

В отличие от короля, он не мог похвастаться внушительной мускулатурой. Но и тощим я его назвать не могла. Он был жилистый, подтянутый, в идеально скроенном чёрном камзоле с серебряной вышивкой. У него были прямые темные волосы ниже плеч, перехваченные в низкий хвост серебряной заколкой.

Но больше всего меня поразил его взгляд. Ледяные серые глаза смотрели не на меня, а словно сквозь меня, препарируя мысли и раскладывая их по полочкам.

И это пугало ещё больше!

– Я – Мастер Галахад Крэйн, – представился он, не делая ни единого лишнего движения. – И нет, это не плохо. Это означает, что Зеркало готово к работе. Оно чувствует ваш страх, Елизавета. Для Зеркала Истины страх – лучший проводник.

Я сглотнула, тщетно пытаюсь унять дрожь в коленях.

“Так, Лиза, соберись! – приказала я себе. – Ты шеф-кондитер или где? Ты выжила в предновогодний зашив, когда на кухне поыхало всё, включая надежду на премию. Какое-то подтаявшее зеркало и сухарь в камзоле тебя не сломают. На раз-два справимся, потом ещё похихикаем!”.

– Рада знакомству, Мастер Крэйн, – я попыталась придать голосу твёрдости, но вышло, скорее, похоже на писк той самой мыши. – Надеюсь, ваше Зеркало не только страх чувствует, но и видит правду. А то контекст, знаете ли, штука тонкая...

Крэйн даже не улыбнулся. Он скользнул по мне ничего не выражающим взглядом и подошёл к артефакту.

При его приближении свет внутри льда вспыхнул ярче, приобретя неприятный синеватый оттенок.

– Прежде всего, Зеркало вынимает суть, – сухо сообщил он. – Садитесь.

Повинуясь его кивку, один из стражников метнулся вперёд и услужливо поставил один из стульев прямо перед ледяной глыбой.

Я посмотрела на стул, потом на Крэйна, не выдержала.

Ну не могу я просто так сидеть и бояться, когда передо мной стоит ходячее воплощение протокольного официоза!

– А меню у вас не предусмотрено? – язвительно осведомилась я, усевшись на стул и кокетливо поправив свой серый мешок-балахон. – Ну, знаете, для расслабления. Кусочек пироженки, чашечка чаю, и я вам всё, как на духу, расскажу. А то атмосфера у вас тут, честно говоря, на троечку. Пыль, сквозняки, зеркало плачет горячими слезами... Мастер Крэйн.

Я специально сделала паузу, ожидая хоть какой-то реакции – ну, может, бровь дернется или в углу губ мелькнет тень усмешки.

Но ни фиги!

Серые глаза Крэйна застыли, как два куска нетающего льда. Температура в зале, кажется, моментально рухнула на добрый десяток градусов, и моя дерзкая улыбка сползла с лица сама собой.

Я затрялась от холода, клацая зубами. Сбоку донеслось такое же клацанье: ага, значит, пробрало ещё и стражников!

– Елизавета, – произнес Галахад настолько безжизненным тоном, что у меня по позвоночнику пробежала стая ледяных мурашек. – Если Зеркало вытащит из вашей головы не правду, а подобный бред, вы отправитесь на плаху раньше, чем я закончу писать протокол. Здесь вам не таверна. Здесь решается, доживете ли вы до заката!

Он сделал шаг ко мне, и я рефлекторно вжалась в спинку стула. Все шутки мгновенно застряли в горле, превратившись в сухой, колющий ком.

– Ладно, ладно, чего сразу угрожать-то... – пробормотала я, потупив взгляд.

В этот момент я почувствовала себя нашкодившим подростком, которого вызвали на ковер к самому суровому завучу в мире. И теперь любая попытка оправдаться сделает только хуже!

Крэйн меня пугал до чёртиков.

– Положите ладони на Зеркало! – велел он. В его голосе не было злости, только абсолютная, пугающая уверенность в своем праве отдавать приказы. – И замолчите. Сейчас ваша жизнь зависит от того, насколько точно вы сможете вспомнить факты, а не от вашей неуместной болтливости.

Я покорно сглотнула и послушно протянула руки к дымящемуся льду. Мои пальцы коснулись влажной поверхности, и в ту же секунду мир вокруг исчез.

Что-то мне подсказывает, что Лизе будет ой, как непросто на допросе с этим Зеркалом... и дознавателем. Кстати, а вот и он! Как вам?

Глава 15. Искажённая истина

Холод – вот, что было первым, что я почувствовала. Но не тот пронизывающий сквозняк Зала Допросов, а влажный, обжигающий холод талого льда под пальцами.

А потом меня накрыло.

Мир взорвался калейдоскопом образов, звуков и запахов, которые никак не могли принадлежать этому замку. Зеркало, почувствовав мой неконтролируемый страх, вцепилось в самое яркое и глубокое, что было в моей голове.

В мою настоящую жизнь в моём, нормальном, мире.

Прямо перед моим носом, в глубине ледяной глыбы, бешено замелькали кадры.

Вот я стою в пробке, раздраженно барабанила пальцами по рулю, а из динамиков надывается какой-то попсовый хит.

Вот неоновые вывески торгового центра слепят глаза в сумерках. Огромный самолет, ревя двигателями, проносится так низко над головой, что, кажется, я могу коснуться его стального брюха.

И тут я почувствовала, как за спиной дыхание Крэйна стало хриплым и тяжёлым.

– Что это за... демонические колесницы? – его голос, ровный и бесстрастный, впервые дрогнул. – И эти огромные здания... Елизавета, что за кошмары вы порождаете?

В этот момент в Зеркале крупным планом возник мой смартфон. Я увидела свои руки, быстро листавшие ленту новостей на мерцающем экране. Это выглядело так привычно и родному, что я залипла, по привычке попытавшись вчитаться в заголовки и рассмотреть картинки.

Сердце радостно запело и рванулось туда, в родную обстановку...

Но Галахад всё испортил!

– Прекратите немедленно! – рявкнул он, и я вылетела из воспоминаний, как пробка из бутылки шампанского, – Что вы мне за бред показываете? Я не это хочу увидеть!

– Никакой это не бред, – обиженно проворчала я. – Это, между прочим, моё, родное...

Но времени на экскурсию по моему миру не было.

Зеркало вдруг обалдело и принялось гулять по моей памяти слишком вольно, нагло вытаскивая и перетряхивая всё подряд. От первой подгоревшей яичницы до лица бывшего парня.

“Эй-эй-эй, стоп!” – спохватилась я и попыталась остановить распоясавшееся Зеркало, – “Ты куда ломанулось? Я же совсем не то хочу показать!”

Если так пойдет дальше, Крэйн решит, что я полностью свихнулась, или, что хуже, – что решила развлечься и поводить его за нос.

Зеркало, падла такая, не обращало на меня ни малейшего внимания, а продолжало запускать свои наглые ручонки всё глубже и глубже в мою память.

Вот я уже увидела себя на своей первой школьной линейке с зарёванным лицом и огромным букетом...

Поняла! Мне нужна какая-нибудь яркая деталь, чтобы зацепиться за неё и вернуться в тот самый день.

О, придумала. Звёздная клубника!

“Соберись, Лиза!” – строго приказала я себе. – “Представь, что это не твоя жизнь, а рабочий планшет. Листай дальше. Нам нужен ледник. Нам нужна та чёртова клубника!”

Я принялась лихорадочно отшвыривать лишние образы.

Мимо, как в безумной дискотеке, пролетели полки супермаркета, шумная вечеринка и огни транспорта. Я буквально кожей почувствовала, как Галахад за моей спиной вглядывается в эти чудеса, пытаясь осознать увиденное, но я не давала ему времени.

Стоп. Вот оно!

Картинка в Зеркале дернулась и застыла. Мелькание автомобильных огней сменилось потёмками ледника и упругими фиолетовыми округлостями той самой клубники!

Я снова оказалась там.

Зеркало Истины начало транслировать не просто картинку, а все мои ощущения того вечера. Я видела свои дрожащие руки, прижимающие к груди корзинку с ягодами. Слышала свое судорожное дыхание. Но важнее всего было другое – звук.

– Тихо... – прошептала я, обращаясь то ли к Крэйну, то ли к самой себе в прошлом.

Сверху, откуда-то из-под потолка, донесся приглушенный скрежет, а затем – голоса. В глубине ледяного зеркала это проиллюстрировалось зыбкими, чернильно-черными тенями, похожими на призраков.

– *Всё должно произойти сразу после того, как он доест эту гадо-ость, которую приготовила эту жирная образина!*.. – раздался в тишине Зала Допросов голос Селестины. Он звучал кристально чисто, искаженный лишь металлическим эхом вентиляционной трубы.

Я закашлялась и обиженно засопела. Ну отлично, спасибо. Зеркало, ты издеваешься?! Специально решило откопать в моей памяти что-то максимально обидное?

Фраза про “жирную образину” повисла в холодном воздухе Зала Допросов, как плохо пропечённый бисквит. Я затылком почуяла, как Крэйн скептически изогнул бровь.

– Значит, “жирная образина”, – вкрадчиво повторил Галахад, и в его голосе снова прозвела сталь. – Елизавета, вы понимаете, что мы сейчас слышим? Принцесса Селестина оскорбляет кондитера. Но где здесь доказательства заговора? Я думаю, что сейчас Зеркало показывает вашу обиду. Сильную, жгучую обиду на женщину, которая красивее вас и выше по статусу!

– Что?! – ахнула я и чуть не отлепила руки от ледяной поверхности. – При чём тут обида? Вы слушайте дальше! Она сейчас скажет про готовящееся отравление!

– Или вы просто подделаете это воспоминание в своей голове, чтобы отомстить ей за “образину”? – Крэйн наклонился ближе, его дыхание обожгло мне ухо. Я неприязненно отодвинулась, хотя от него приятно пахло ментолом. Но Галахад больно схватил меня за локоть, словно вынуждая оставаться на месте.

– Зеркало реагирует на эмоции! – прошипел он, – Ваша ярость сейчас так велика, что она вполне может исказить правду. Вы ненавидите леди Селестину, не так ли? Вы хотите, чтобы она исчезла?

Паника накрыла меня душной волной. Горло перехватило. “Нет-нет-нет, всё не так! Он мне не верит! Он думает, я просто мстительная обиженка!” – забило в голове.

Я попыталась сосредоточиться на звуках из вентиляции, но страх перед Крэйном и осознание, что плаха стала ещё ближе, превратили мой разум в блендер, работающий на максимальной скорости.

Картинка в Зеркале поплыла. Фиолетовые ягоды клубники вдруг начали раздуваться, пульсировать и истекать густым, тёмным соком, похожим на... кровь.

Чернильные тени в Зеркале вытянулись, стали огромными и начали двоиться. В ушах зашумело, и следующий возглас Селестины прорвался в моё сознание, перемешавшись с моими собственными мыслями.

– *Король должен проглотить всё до последней капли-и!* – пропел голос принцессы, но теперь он вдруг стал удивительно похож на мой собственный голос. – *Яд из Южных земель действует медленно, но верно-о... Нам нужно всего десять минут после клятвы... чтобы он успел скрепить договор своей кровью-ю...*

Лицо Селестины, на мгновение проступившее в тенях, вдруг приобрело мои черты.

– Остановитесь! – Мастер Крэйн резко рванул меня прочь от Зеркала.

Я потеряла равновесие и рухнула на пол, тяжело дыша и глядя перед собой безумными глазами. Пальцы горели от холода, а перед глазами всё ещё плавали кровавые пятна раздавленной клубники.

Глава 16. На острие пера

Я в полном обалдении сидела на холодном полу и таращилась на свои руки.

Задница, которой я от души приложилась об камень, больно гудела. Пальцы онемели и покраснели, словно я долго держала сухой лед.

Перед глазами всё ещё пульсировало то страшное видение: моя собственная физиономия в зеркальной глубине, а сквозь неё, как сквозь водную гладь, проступает торжествующее лицо Селестины.

– Виновна! – сухой, как хруст ломающейся ветки, голос Крэйна прозвучал над головой. Чего?!

Я резко вскинула голову. Галахад стоял прямо надо мной, заложив руки за спину, и бесстрастно смотрел на меня сверху вниз. В его глазах не было ни капли сочувствия, только холодный расчет.

– Мой отчет будет однозначным, Елизавета, – сухо сообщил он мне, – Зеркало не лжёт, оно лишь переводит ваши помыслы в образы. И то, что я увидел в финале – ваше лицо, слова о яде, кровь вместо ягодного сока – это прямое признание исполнителя. Вы – несостоявшаяся убийца, которая в последний момент испугалась содеянного!

– Блин, ты охренел?! – вырвалось у меня. Я попыталась подняться, но ноги дрожали. Шок придавил меня, как каменная плита, – Ты же сам всё видел! В самом начале! Как ты там сказал... Демонические колесницы, башни до небес! Сам же спросил, что это за кошмары!

Меня колотило от негодования и несправедливости. Только выпалив всю эту тираду, я спохватилась, что перешла на “ты”, но исправляться не стала.

А вот не буду перед ним расшаркиваться! Пусть утрётся! Дознаватель фигов!!

Крэйну, похоже, моё внезапное панибратство было до огромной лампочки. Он пожал плечами и вытащил из-под камзола лист бумаги и перо, даже не глядя в мою сторону.

Щёлкнул пальцами, и лист... повис в воздухе прямо перед ним. А перо принялось быстро-быстро на нём что-то писать.

Само.

На мгновение я забыла о своих бедах и в изумлении уставилась на это чудо.

Это как? Это что?! Хотя, похоже, для Крэйна это дело вполне привычное...

Перо чиркало и чиркало, летая взад-вперёд по бумаге.

– Тех, кто теряет рассудок от магии или страха, часто посещают диковинные видения, – тем временем, сухо сказал дознаватель, – Эти ваши башни до небес и колесницы – всего лишь ваша защитная реакция. Вы пытаетесь спрятаться от суровой реальности, вот и всё. Преступники часто воображают себя кем-то другим, чтобы не сойти с ума от тяжести своей вины.

И тут до меня дошло. Как я раньше об этом не подумала?!

Галахад, похоже, не в курсе, что я из другого мира! Арден ему не сказал. Ну правильно, король мне сам не поверил.

Крэйн думает, что я обычная преступница, которая сначала решила отравить короля, а потом резко сошла с ума, вломила на свадебную церемонию, чтобы прилюдно об этом сообщить!

Блин блинский, вот это я влипла...

– Ты серьезно? – я, наконец, соскребла себя с пола и встала, пошатываясь. – То есть, по-твоему, мой мозг вот так вот, за здорово живёшь, взял и выдал такие достоверные и реалистичные образы, которые изобрёл за секунду? Просто чтобы спрятаться от реальности? Да у меня воображения и на треть подобного не хватит!

Крэйн даже бровью не повел. Он взял уже порядком исписанный лист и с шелестом расправил его. Не обращая на меня внимания, погрузился в чтение того, что ему там начирикало перо.

Звук сухой бумаги взбесил меня ещё больше, чем его ледяной тон и тотальный игнор.

– Слушай сюда, Мастер Галахад, – процедила я и шагнула к нему, наплевав на этикет. – Я не сумасшедшая. Я – из другого мира. Вспышка, искры из глаз, и вот я здесь, пытаюсь не сдохнуть от рук фанатичного дознавателя. Тебя, то бишь. Арден... то есть Величество, в курсе. Просто он такой же упрямый осёл, как и ты, и решил, что это отличная сказка на ночь!

Крэйн медленно поднял на меня взгляд. Перо замерло, покачиваясь в воздухе напротив него.

– Иномирянка? – повторил он, и в его голосе ядовитейший сарказм. – Вы хоть понимаете, Елизавета, сколько подобных “иномирян” я допросил за всю свою карьеру? Каждый второй заговорщик, прижатый к стене Зеркалом Истины, внезапно оказывается потерянным принцем из Поднебесья или путешественником между мирами!

Я зарычала. Руки зачесались кинуть в Крэйна чем-нибудь тяжёлым. На мгновение перед глазами повисло видение: я от души макаю его лицом в большой-пребольшой торт, да так, что он полностью погружается в крем...

Ну нет!

Я протестующе помотала головой. Торт жалко на такого барана тратить!

И тут меня осенило. А может... может, хоть это его проймёт...

– Но ведь это не имеет смысла! – выкрикнула я и, метнувшись к Крэйну, в эмоциональном порыве схватила его за рукав. Дознаватель замер и уставился на меня.

Его глаза слегка расширились, и я ощутила укол удовлетворения – ага! Мне удалось тебя пронять, чёртов ты сухарь!

– Ты же человек логики! Вот и подумай логично! – выпалила я, – Я мастер-кондитер. Если бы я действительно хотела отправить этого вашего грёбаного короля на тот свет, я бы смогла обставить дело так, что никто бы ничего не заподозрил. Зачем мне воротить такие сложносочиненные схемы, если у меня под рукой целая кухня?!

Галахад медленно перевел взгляд с моей руки, вцепившейся в его й рукав, на мое лицо. В его глазах на мгновение промелькнуло нечто похожее на любопытство исследователя, наткнувшегося на редкое насекомое, которое внезапно заговорило на человеческом языке и начало яростно качать права.

– Просветите же меня, мастер-кондитер, – вкрадчиво произнес он, даже не попытавшись освободиться. – Как бы вы распорядились жизнью монарха, не прибегая к “сложносочиненным схемам”?

– Да элементарно! – в запальчивости выпалила я. Кажется, адреналин окончательно вытеснил страх. – Я знаю сотни способов сделать так, чтобы человек перестал дышать, просто съев моё пирожное. Лишняя щепотка определенной специи, вызывающей тихий отек горла, или намеренная в технологии, от которой сердце просто остановится во сне...

Меня охватила такая буря эмоций, что я принялась ожесточенно трясти его руку и тараторить.

– В моем мире это называется аллергией или острой недостаточностью. Уверена, ваши лекари списали бы всё на волю богов или подобную фигню! Если бы я была в заговоре, Джерард не дожил бы даже до десерта в первый же вечер! Ой...

Я резко заткнулась, в ужасе осознав, что только что расписалась в том, что я едва ли не профессиональный киллер, прикинувшийся кондитером.

Ой, блин! Куда меня понесло?!

Крэйн посмотрел на меня так, будто за моими словами внезапно открылась бездна, в которую он не планировал заглядывать.

– Ваша... откровенность в вопросах убийства впечатляет, Елизавета, – размеренно произнес он и замолчал. Я тяжело дышала, чуя, что в эти секунды решается моя судьба.

И тут тяжелые дубовые двери зала распахнулись с таким грохотом, что я отлетела от дознавателя.

На пороге стоял Джерард Арден.

– Мастер Крэйн! – его низкий рык плетью хлестнул по нервам. – Я жду вердикта. Зеркало подтвердило её вину?

Галахад перевел взгляд с меня на короля.

Пауза затянулась настолько, что я услышала, как кровь шумит у меня в ушах.

Всё застыло, словно мы все оказались в желе.

И наконец Крэйн вынес свой вердикт...

Глава 17. Чистейшая аномалия

– Зеркало показало лик исполнителя, Ваше Величество, – эта фраза Крэйна тяжело упала в вязкой тишине, как топор палача.

У меня внутри всё оборвалось. Руки немедленно заledenели, а ноги пристыли к полу, хотя, по-хорошему, надо было сорваться с места и бежать, куда глаза глядят.

Перед глазами тут же всплыло моё лицо в ледяной глубине. Ну всё, Лиза, отпелись твои соловьи. Сейчас позовут палача, и прощай, кулинарные шедевры!

Однако Галахад не спешил ставить точку. Он сделал эффектную паузу (наверное, чтобы окончательно довести меня до инфаркта). Добавил, испытующе прищурившись:

– Тем не менее, разум обвиняемой показал иное. Мир, который кардинально отличается от нашего, и логику, которая в корне противоречит помыслам хладнокровного убийцы. Перед нами – чистейшая аномалия. Зеркало Истины зафиксировало факт её участия. Но её сознание отрицает злой умысел так яростно, что я не могу вынести однозначный вердикт.

– Аномалия?! – ахнула я, чуть не взвизгнув от негодования. – Сам ты аномалия ходячая, сухарь в камзоле! Я нормальная честная девушка! У меня медкнижка и безупречная кредитная история... была, а он – “аномалия”!

Я страшно возмущалась, размахивая руками, но в глубине души затеплилась крохотная, как огонек зажигалки, надежда.

“Не может вынести вердикт” в переводе с крэйновского стопудово означало: “Казнь откладывается на неопределенный срок”. Фух, пронесло... вроде бы.

– Аномалия? – король внезапно произнес это слово так, словно попробовал его на вкус. От его вкрадчивого низкого голоса у меня по позвоночнику пробежало целое стадо ледяных мурашек.

Джерард Арден, до этого стоявший неподвижно, сделал стремительный шаг вперед. Его лицо потемнело от гнева, а в глазах замерцал опасный ярко-синий лёд.

– Крэйн, ты издеваешься? Мне не нужны твои глубокомысленные рассуждения о каких-то там несуществующих мирах. Оставь их доморощенным философам. Она, – он бесцеремонно ткнул в меня пальцем, – сорвала мою свадьбу. Ворвалась на церемонию с криками о заговоре. Зеркало Истины подтвердило попытку отравления и её причастность к ней? Да или нет?

– Да, Ваше Величество, – хладнокровно ответил Галахад. На его лице не дрогнуло ни мускула под шквалом королевского негодования. А вот мне опять захотелось кричать и топтать ногами от несправедливости. Да что ж такое-то!

Однако Крэйн продолжил свой спич, и я опять приободрилась:

– Но оно же подтвердило существование железных птиц и колесниц без лошадей в её сознании. Вам так не терпится казнить эту женщину за то, что её разум не принадлежит этому королевству? Я напому вам, что мой долг как дознавателя – не рубить головы сгоряча, а искать истину, вооружившись холодной логикой. И сейчас я могу констатировать, что мы оказались в ситуации, когда истина ускользает от нас обоих!

Джерард замер. Он застыл перед Крэйном. Между ними буквально затрещали электрические разряды. Настоящий конфликт двух титанов: абсолютной власти и абсолютной логики!

В зале стало так тихо, что я услышала, как колотится мое собственное сердце – часто-часто и испуганно. Мне до смерти захотелось превратиться в маленькую, но упитанную серую мышку и тихой сапой отползти в самый темный угол, лишь бы не попасть под этот перекрестный огонь!

– Твоя истина грозит слишком дорого обойтись моему государству, Крэйн, – ледяным тоном отрезал Джерард. – Я не могу позволить этой твоей “аномалии” разгуливать на свободе, пока в моем замке зреет заговор!

Он повернул голову ко мне. Его взгляд пронизал меня насквозь. В нём не было ни капли той мимолетной симпатии, что я видела раньше. Похоже, что сейчас он видел во мне лишь проблему, которую нужно либо решить, либо устранить!

Я сглотнула, почувствовав, как во рту резко пересохло.

А может, я выдаю желаемое за действительное, и эта симпатия мне просто померещилась?

– Ну что ж. Раз дознаватель Галахад Крэйн не может вынести вердикт, – Джерард снова перевел взгляд на Галахада, и в его голосе сверкнула сталь, – я беру это дело под свой личный контроль!

– Ваше Величество, это нарушение протокола... – начал было Крэйн, но король вскинул руку, оборвав любые возражения.

– Протоколы пишутся для обычных людей, Крэйн, – отрезал он, – А перед нами, как ты сам выразился, “аномалия”. В тюремную камеру она не отправится, но и свободы не получит.

Я нервно хихикнула. Страх внутри неожиданно перерос в острое желание как-то состричь или сказать что-то дерзкое, на грани фола.

– Стесняюсь спросить... – я соорудила самую невинную мину, на которую была способна в своем сером мешке-балахоне. – Ваше Величество, вы на мои прелести, что ли, польстились? Так бы и сказали, зачем Зеркало мучить... Личный контроль – это звучит как-то... многообещающе!

Крэйн вытаращился на меня, как на инопланетянку. Тишина стала абсолютной.

Взгляд Джерарда стал таким холодным, что у меня, кажется, иней на ресницах выступил. Никакой улыбки. Только ледяное пренебрежение.

Король стремительно выхватил у Крэйна лист, над которым всё ещё подергивалось в воздухе самопишущее перо. Пробежался взглядом по строчкам. Я увидела, как его челюсти сжались.

– Помню, ты утверждала, что ты мастер-кондитер? – он чеканил каждое слово, и в его голосе скользнула опасная насмешка. – Прекрасно. А ещё тут зафиксированы твои слова о том, что ты знаешь сотню способов, как отравить человека при помощи того, что есть на кухне. Мы это проверим. Я понял, как с тобой поступить.

Он скомкал бумагу в кулаке (клянусь, в этот момент я услышала, как Крэйн в ярости скрипнул зубами) и сделал шаг ко мне.

Я попыталась, но он уже схватил меня за локоть.

– Не обольщайся, Елизавета, по поводу моего “личного контроля”. Это не мягкая постель в моих покоях, – его лицо оказалось пугающе близко, и я кожей почувствовала исходящую от него холодную ярость. – Чтобы ты не сбежала и не сплела новый заговор, я кину тебя в самое людное место в этом замке – на общую кухню. Там ты всегда будешь на виду у десятка поваров и стражи. Каждое твое движение, каждое разбитое в тесто яйцо будет замечено.

Я попыталась что-то возразить, но он стиснул пальцы только крепче.

– Ай! – вскрикнула я, – Синяк останется! Отпусти!

– Потерпишь, ты вон какая крепкая и дерзкая, – на губах Джерарда промелькнула тень жесткой улыбки. – И раз уж ты так кичишься своим мастерством, я подберу тебе достойную компанию. Будешь помощницей Бруно, нашего особого... кхм... таланта. Этот недотёпа не способен сварить кашу, не спалив замок, и он слишком глуп, чтобы плести интриги. Зато он очень наблюдательный и подмечает любую мелочь. Вот он станет твоим надзирателем.

Глава 18. Из огня да в полымя

– Помощницей?! Меня?! У этого вашего... как его там... – бухтела я, едва поспевая за широкими шагами Джерарда. Он практически волок меня за собой, как буксир, крепко держа меня за локоть, – Да вы хоть понимаете масштаб катастрофы? Я – кондитер! Я работаю с тончайшими текстурами, с изысканными вкусами! А вы меня к человеку, который, по вашим же словам, элементарно не может сварить кашу! Это... это как нейрохирурга заставить чинить трактор кувалдой, во!

Арден и бровью не повёл. Его железная хватка на моем локте не ослабла ни на полшишечки.

– Елизавета, избавь меня от своих непонятных слов! – бросил он через плечо с ледяным сарказмом. – И скажи спасибо, что я оставил тебе жизнь. Хочешь отведать тюремную стряпню непосредственно перед походом на эшафот? Могу запросто устроить.

– Да лучше эшафот, чем профессиональное позорище! – возопила я, стараясь не запутаться в подоле своего балахона. – Кстати, кондитер и повар – это разные вещи. Это к слову. Это как... как... бисквит и свиная рулька, во! У меня нет никакого желания варить репу или кром-сать картошку. Кондитер – это моё призвание! У меня международные сертификаты были... там!

И неопределённо замахала свободной рукой куда-то в пустоту.

– Всегда полезно научиться чему-то новому, – саркастически хмыкнул Арден, – например, той же варке репы. Кстати!

Он внезапно остановился, и я по инерции впечаталась носом в его каменно-твёрдую спину.

– Ай, блин!

Король резко развернулся на каблуках и навис надо мной. От запаха свежести, который тут же окутал меня, закружилась голова, и я покачнулась.

Но Арден поудобнее ухватил меня за локоть, не позволив упасть.

– Ой... – прошептала я, как зачарованная, глядя в его невероятные ярко-синие глаза.

– К слову, Елизавета, – насмешливо сказал Джерард, не обращая внимание на мои взгляды, – одно из моих любимых блюд – черная репа, томленная в сосновой патоке с бараньим курдюком. Что скажешь, если однажды я потребую от тебя приготовить его лично для меня?

От этих слов и от его близости мне реально поплохело.

– Жир... с медом? – тоненьким голосом переспросила я. – Надеюсь, что это шутка... не настолько же у вас извращённый вкус!

А в голове сами собой замелькали странички из моего секретного блокнотика, куда я записывала особо экзотические рецепты. Хобби у меня такое.

И это блюдо там было! То, что звучало, как состав мази от радикулита, было реальным старославянским лакомством.

Ох. Охо-хох.

– Как знать, как знать, – хмыкнул Арден и снова потащил меня по коридору.

“К слову, а поросёнком-то он меня перестал звать,” – вдруг мимоходом подумалось мне, и на душе почему-то стало теплее, – “и надо отдать ему должное, мускулатура у него, что надо. Столько времени тащить меня, совсем не Дюймовочку, и не запыхаться – это достойно уважения!”

Но игривые мысли тут же испарились из моей головы, потому что мы достигли цели.

Джерард небрежно распахнул передо мной высокие двери из тёмного дерева, и я невольно зажмурилась.

Передо мной предстал настоящий кулинарный цех колоссальных масштабов!

Высокие сводчатые потолки терялись в тени, а сквозь огромные окна под самой крышей падали столбы света, в которых золотилась мучная пыль. Вдоль стен тянулись ряды столов из светлого камня, отполированного до зеркального блеска. На вертелах в изразцовых печах медленно вращались туши, исходя соком, а по стенам сияли сотни медных сотейников – так ярко, что слепили глаза.

Умопомрачительно пахло печёным мясом, специями и дорогим вином.

В центре кухни, на небольшом возвышении, стоял Огюст. Вокруг него суетились повара. В общей суматохе мелькнули лица Тима и Ларса, и я немедленно воспрянула духом при виде них.

Поварята тоже меня заметили и радостно помахали мне.

А вот Огюст, увидев короля, вздрогнул и стремительно согнулся в поклоне. Однако стоило его взгляду упасть на меня, как его лицо приобрело оттенок перезрелой сливы.

– Ваше Величество! – взвизгнул он, – При всём уважении, что она тут делает? Я слышан о том, что она учинила на свадебной церемонии! Ей место в кандалах!

– Успокойтесь, Огюст, – голос Джерарда прозвучал негромко, но работа в зале мгновенно замерла. Все повара замерли с поднятыми ножами. – Отныне эта женщина – помощница Бруно. Будет работать вместе со всеми.

– Бруно?! – Огюст разинул рот, и его накрахмаленный колпак смешно съехал на лоб. – Ваше Величество, при всем уважении, он даже кипятком умудряется испортить! Это же позорище нашей кухни! Я давно хотел его уволить...

Но уже через секунду его лицо разгладилось. Гнев сменился маслянистой, почти плотоядной улыбкой. Он хищно потер пухлые руки, и в его глазах зажегся огонек злорадного наслаждения.

– О... – протянул он, отвесив королю еще один поклон. – Мудрое решение, Ваше Величество! Поистине королевское правосудие. Раз эта девица так уверена в своих силах, пусть покажет их там, где пасуют даже боги кулинарии!

Он повернулся ко мне, и его улыбка стала еще шире, обнажив мелкие зубы.

– Что ж, добро пожаловать к нам, Елизавета. Уверен, Бруно будет в восторге. Идите же, не заставляйте его ждать. Он как раз заканчивает... кажется, это должен был быть суп.

– Я вам что, бесплатный клоун, что ли? – прошипела я, но Арден даже не взглянул в мою сторону.

Ну ладно, Величество. Хочешь шоу? Сейчас я вам с Огюстом его устрою!

И вдруг, словно нарочно, откуда-то из дальнего угла, отгороженного высокими стеллажами с кастрюлями, донёсся душераздирающий вопль:

– О нет! Опять?!

И в ту же секунду из-за стеллажей повалил густой, едкий чёрный дым, мгновенно заполонивший помещение. Повара закашлялись, поварята бросились открывать окна, а Огюст картинно прикрыл нос кружевным платком.

– Вот видите? – прогнусавил он сквозь ткань, ткнув половником в сторону задымленного угла. – Гений уже приступил к работе. Прошу вас, Елизавета, поспешите к нему на помощь.

Джерард хмыкнул, изучающе наблюдая за мной. В его глазах не было и капли сочувствия.

Только холодное ожидание: сломаюсь ли я прямо сейчас или всё-таки нырну в этот дым?

Глава 19. Штрафной угол

Интересно ему, значит? Ну что ж, я не разочарую!

Саркастически помахав королю ручкой, я рванула в глубь кухни, ориентируясь на запах гари и панические вскрики.

Дым стал гуще, глаза защипало, но я упрямо продралась сквозь ряды столов и удивленные взгляды поваров.

Эпицентр катастрофы обнаружился в самом дальнем, углу, отгороженном высокими стеллажами с кастрюлями. Про себя я тут же обозначила его, как “штрафной”.

Там, у допотопной печи, металась фигура. Высокий, нескладный парень, похожий на испуганного кузнечика, с остервенением лупил... масляной тряпкой по огромной медной сковородке, из которой вырывались языки пламени.

– Стой, дурак! – заорала я. – Ты же только хуже сделаешь!

Парень замер, его огромные, честные, но совершенно безумные от страха глаза встретились с моими. Взгляд метнулся к тлеющей тряпке в руке, затем – снова на меня.

– А-а-а! – взвизгнул он и с новой силой забарабанил горячей ветошью по маслу. Огонь радостно взметнулся чуть ли не до сводчатого потолка!

Я поняла, что слова тут бессильны. Похоже, от ужаса парень – как там его, Бруно, вроде – свихнулся.

Мозг, привыкший к авралам, выдал единственно верное решение. Я схватила тяжелую медную крышку, которая валялась на полу, и с размаху нахлобучила её на сковородку.

По кухне пронёсся тяжёлый гудящий “бзы-ы-ынь!”. Огонь, лишенный кислорода, жалобно зашипел и нехотя погас.

В штрафном углу повисла тишина.

Парень застыл с занесенной над головой тряпкой. С ужасом уставился на крышку, потом на меня. На его щеках сажа смешалась с потом и слезами, превратив лицо в маску печального мима.

Хлопья гари, красиво кружась, медленно оседали на копну его угольно-чёрных выющихся мелким бесом волос, сделав его похожим на молодое деревце с обгоревшей кроной.

Так, нужно вытащить его из ступора! И как можно быстрее.

– Миску! Живо! – коротко скомандовала я тоном, который заставлял моих помощников вытягиваться во фрунт. – И ледяную воду! А сковородку – на холодную плиту!

Бруно вздрогнул, его руки затряслись еще сильнее. Однако он, словно под гипнозом, безропотно бросился выполнять мои команды. Страх перед моим голосом, кажется, перевесил страх перед огнем.

Он шмякнул сковородку на другую, холодную, плиту и судорожно схватил первую попавшуюся миску. С суеверным ужасом уставился на меня.

– Вы... вы... – пролепетал он неожиданно низким хрипловатым голосом. – Вы та самая ведьма-отравительница?!

Я закатила глаза и досадливо цыкнула.

Блин, ну почему слухи везде распространяются быстрее, чем запах подгоревшего лука? Не успела я из Зала Допросов выйти, как уже вся кухня в курсе всего, что связано со мной!

– Ага, она самая. Явилась по твою душу, – я бесцеремонно отобрала у него миску и швырнула туда тлеющую тряпку. – А вообще, дружок, я твоя единственная надежда не вылететь отсюда с позором. Я Лиза. Будем знакомы.

Парень часто-часто закивал, глядя на меня с надеждой и суеверным ужасом одновременно.

– Я... я Бруно... – прошептал он, вытерев нос рукавом. На его лице появилось новое черное пятно.

Я вздохнула и быстрым взглядом окинула наш боевой пост.

Тусклый свет, кривой стол, формы для выпечки, которые, кажется, помнили ещё коронацию прадедушки Ардена, и крошечная кособокая печь. М-да-а-а... И в этих условиях мне предлагается работать?

Но груди вдруг кольнуло знакомое чувство азарта. Да, условия – дрянь. Да, напарничек мне достался такой, что без слёз не взглянешь. Но это вызов!

Я посмотрела на дрожащего Бруно. У парня явно был талант вляпываться в неприятности. И руки у него явно росли не из того места. Но в его глазах, помимо страха, я увидела искреннюю любовь к этому сумасшедшему кухонному миру.

– Так, Бруно, слушай сюда, – я по-хозяйски оперлась на стол, игнорируя его сажу. – Будем делать из тебя человека... или хотя бы повара.

– Ну что ж, вижу, первый раунд за тобой, Елизавета.

Я вздрогнула и резко обернулась. Джерард стоял всего в паре шагов, прислонившись плечом к закопченному стеллажу. Как он умудрился подойти так бесшумно в этом грохочущем кухонном аду – загадка. Его безупречный камзол и величественный вид на фоне нашего штрафного угла смотрелись как насмешка.

Бруно при виде короля мигом превратился в соляной столп. Миска в его руках мелко-мелко задрожала.

– Ваше Величество... – пролепетал он. Попытался изобразить поклон, не выронив посуду. Получилось кое-как.

Арден величественно кивнул ему и перевел взгляд на меня. В глубине его ярко-синих глаз промелькнула ироничная искра.

– Впечатляющее владение крышкой. Признаться, я ожидал, что ты начнешь с десертов, а не с тушения пожаров!

– На вашей кухне, Ваше Величество, одно плавно перетекает в другое, – отбила я подачу.

Джерард усмехнулся. Он беспардонно приблизился, нахально вторгнувшись в мое пространство, и я снова почувствовала этот сводящий с ума запах свежести, который никак не вязался с кухонным чадом.

Склонился к моему уху, понизив голос так, что его слышала только я:

– Удачи, пышненькая аномалия. Она тебе понадобится. Но не забывай: ты под моим присмотром!

Он отстранился, окинув меня напоследок долгим, изучающим взглядом, от которого по коже пробежали мурашки. Кивнул Бруно и, не оборачиваясь, направился к выходу. Его высокая фигура в дверном проеме на мгновение перекрыла свет, а потом он исчез, оставив нас наедине с гарью.

– Ушел... – выдохнул паренёк. – Он правда... он правда сказал, что будет следить?

– Правда, Бруно, правда, – я злорадно усмехнулась, закатывая рукава. – Так что у нас нет другого выхода, кроме как стать лучшими.

Не успел Бруно ответить что-то по существу, как за моей спиной раздался вкрадчивый голос главного повара.

Огюст подгрёб к нам, сияя от самодовольства. Его накрахмаленный колпак покачивался в такт торжествующей походке.

– Вижу, вы уже приступили к знакомству. Прекрасно. Бруно, напоминаю: сегодня визит графини Розамунды. Она требует свои любимые медовые соты в облаке из взбитых сливок. Это твой последний шанс доказать, что ты достоин переводить казенные продукты. Если графиня останется недовольна, вылетишь отсюда, как пробка. Я об этом позабочусь.

Огюст перевел взгляд на меня, и его глаза превратились в щелочки.

– А ваша роль, Елизавета, проста. Вы – тень. Моете формы, чистите посуду, подготавливаете продукты. Но с одной оговоркой – вам запрещено приближаться к плите и притрагиваться к готовке. Бруно должен сделать всё сам. Если он не справится, оба отправитесь вон из кухни. Будете жить на конюшне и сено для лошадей заготавливать! Я об этом лично позабочусь.

Глава 20. Золото из пепла

– На конюшню? – я едва не поперхнулась воздухом, в котором всё ещё витали хлопья саж. – Сено? Вы это серьёзно?

Огюст лишь маслянисто улыбнулся, картинно поправил свой колпак и, не удостоив меня ответом, двинулся прочь. Его голова была вздёрнута на торжествующе, словно он уже видел меня, скачущей по конюшне с вилами в руках.

А почему “словно”? Уверена, действительно видел!

Я на секунду впала в ступор. Мозг наотрез отказался обрабатывать огромный массив информации: королевская кухня, сожженная сковорода, сумасшедший напарник и перспектива стать лучшим другом лошадей.

Но кондитерский стаж в десять лет – это вам не шутки. В любой непонятной ситуации – хватай венчик и делай вид, что всё под контролем!

Я тряхнула головой, отогнав видение себя в образе сельской труженицы, и зычно крикнула вдогонку Огюсту.

– Эй, шеф! Сколько у нас есть времени до того, как ваша графиня от голода начнёт жевать скатерть?

Огюст остановился, медленно обернулся и с нескрываемым удовольствием простёр руку к массивным настенным часам.

– Графиня Розамунда требует десерт ровно через десять минут.

– Десять минут?! – я аж подпрыгнула. – Да за это время даже приличный омлет не всегда успевает прожариться!

На лице Огюста отчётливо высветилось, до какой лампочки ему всё моё негодование.

– Время пошло! – злорадно бросил он и исчез из виду.

Я обернулась к Бруно. Парень выглядел так, будто его только что переехал гружёный обоз. Его губы дрожали, а в глазах стояли слёзы.

– Нам конец... – прошептал он, и его голос был похож на шелест сухой листвы. – Графиня Розамунда Саркс... она ужасна. Она – троюродная тётка короля и главная сплетница двора. Если она расстроится, то добьётся, чтобы нас не просто выгнали, а... а... знаете, она однажды вызвала к себе одного из поваров и заставила его съесть приготовленную им дичь вместе с перьями! Прямо при гостях! А он задержал подачу всего-то на одну минуту!

Я охнула про себя. Вот это мне повезло нарваться на самодурку в первый же день работы на кухне! Ладно, и не из такой задницы выбирались.

– Так, кузничик, соберись! – я схватила Бруно за руку и хорошенько встряхнула. Хотела схватить за плечи, но не дотянулась, уж больно долговязым он был, – Никаких перьев мы есть не будем. Десять минут – это целая вечность, если не тратить их на нытьё. Доставай мёд для сот и сливки! Живо!

– Да-да... сейчас... – Бруно бросился к полке, спотыкаясь на ровном месте. Его ноги заплетались, – Сейчас... мёд... мёд был здесь...

Он судорожно зашарил руками, как вдруг замер. Его лицо приобрело оттенок молодой картошки.

– Чего застыл? – подскочила я к нему. – Бруно, время!

– Его... его нет, – пролепетал он, указывая на пустую полку. – Последний горшок прозрачного акациевого мёда... Альдо! Я видел, как он забрал его буквально только что!

– В смысле – забрал? – я отпихнула Бруно, привстала на цыпочки и сама сунула нос на полку. – А запасы? Склад?

– Обоз с продуктами будет только завтра на рассвете, – парень безнадежно закрыл лицо руками. – мастер Огюст знал... он как будто специально это сделал! У нас остался только негодный мёд.

– Почему “как будто”, я уверена, он нарочно всю эту петрушку провернул... – гневно пробормотала я и тут же с надеждой заинтересовалась:

– Какой, говоришь, мёд у вас остался?

Бруно дотянулся до дальнего угла полки и выудил тяжёлую миску.

Я заглянула туда и скривилась. Там сиротливо лежал кусок серой, засахарившейся массы, больше похожий на обломок древнего метеорита, чем на мёд.

– Из этого нельзя сделать соты... – простонал парень. – Он не растопится, как следует, будет пахнуть гарью и хрустеть на зубах... Мы покойники, Лиза. Нас сошлют на конюшни! А то и чего похуже!

Я скептически посмотрела на “метеорит”, на часы (осталось девять минут), ина паникующего Бруно. Внутри взвилась волна такого чистого, концентрированного упрямства, что, кажется, в штрафном углу стало светлее.

– Значит так, дружок, – я решительно закатала рукава. – Паника ещё никогда никого не спасала. Как Огюст и хотел, я и пальцем к готовке не притронусь. Но если ты сейчас же не разожжёшь печь до нужной температуры, я сама превращу тебя в медовую соту. Мы сделаем этот десерт, даже если нам придётся добыть мёд из воздуха! Раздувай угли, только не перекали плитку.

Параллельно я схватила самый страшный, покрытый десятилетним слоем нагара медный котёл. С грохотом опустила его в раковину и начала неистово тереть мочалом, создав столько шума и брызг, чтобы за ними не было слышно моего шёпота.

Бруно подскочил к плите, его руки ходили ходуном, а лицо покраснело от жара и ужаса.

– Сотейник на огонь! – прошипела я сквозь зубы, краем глаза следя за обстановкой на кухне и продолжая усердно драить медь. – Кидай туда свой “метеорит”. Плесни ложку воды. Быстро!

– Лиза, он же сгорит! Он превратится в уголь! – запричитал парень, судорожно выполняя мои указания.

– Не превратится. Теперь ищи лимон. Или что-то кислое.

Бруно послушно нырнул под стол, вытащил оттуда обтёрханную корзину и выудил из неё сморщенный жёлтый плод.

– Выдавливай сок прямо в мёд. Кислота не даст сахару кристаллизироваться обратно! – я поперхнулась словами и замерла, заметив боковым зрением знакомый накрахмаленный колпак.

Огюст медленно проплыл мимо нашего угла, заложив руки за спину. Его ноздри хищно раздувались. Он остановился всего в паре шагов от нас, подозрительно прищурившись.

– Чем это вы тут занимаетесь? – вкрадчиво спросил он. – Мне кажется, я услышал, как вы, Елизавета, что-то такое сказали про воду и лимон? Решили что-то приготовить?

Я выпрямилась, утерев пот со лба мокрой рукой.

– Что вы такое говорите, мастер Огюст? – я невинно захлопала ресницами. – Я вот объясняю вашему... таланту, что в таком грязном котле не то, что готовить – его даже в руках держать опасно!

Покосилась на часы. Чёрт! Время уходит на какую-то ерунду! А этот стоит и пялится! Надо его спровадить.

– Вот, сами полюбуйтесь на это безобразие! – я сунула под нос Огюсту грязную мочалку. Огюст отлетел от меня, как ошпаренный.

– Смотрите у меня! – прошипел он. – Осталось семь минут!

– И что бы мы без тебя делали... – пробормотала я, но выдохнула с облегчением. Яростно зашептала, для надежности пригнувшись к раковине:

– Слышал его? Семь минут! Работай венчиком, разбивай комки. Видишь, мёд пошел прозрачный? Это лимон ломает кристаллы, не давая им осесть песком на зубах.

Бруно мешал так неистово, что сотейник едва не подпрыгивал на плите. Его глаза округлились, когда серая жижа на глазах превратилась в чистое золото.

– Теперь сахар! – скомандовала я, снова пригнувшись к раковине. – Нам нужно поднять плотность. Горсть сахара в сотейник, быстро!

Парень замер. Его паника вдруг сменилась какой-то странной, почти трансовой сосредоточенностью. Он протянул руку к мешку, зачерпнул ладонью белые кристаллы и, даже не глядя на весы, высыпал их в кипящий сироп.

– Ровно сорок два грамма, – пробормотал он себе под нос.

Я чуть мочалку не выронила.

– В смысле? Ты как это определил на глаз?

– Рука чувствует, – простодушно ответил он, не отрывая взгляда от бурлящей массы. – Вес... он как будто в пальцах отзывается. С точностью до крупинки. Ровно столько, сколько нужно.

Я потрясенно моргнула. Ого.

А хотя... чего сразу “ого”? У меня же нет под рукой весов, чтобы проверить слова парня. Может, он случайную цифру ляпнул. Придется поверить на слово.

– А теперь финт ушами, – продолжила я, – Тащи сюда соду.

И едва не прикусила язык. А если Бруно невдомёк, что такое сода? Вдруг у них тут это другим словом называется?

Но парень понял! Он прыгнул к шкафу и достал небольшую коробочку. Я перевела дух. Прошептала так взбудораженно, что голос сорвался на сип:

– Кидай щепотку и снимай с огня!

Стоило соде коснуться расплавленного мёда, как сотейник буквально взорвался пеной.

Бруно едва успел снять его с плиты. На наших глазах сироп вздулся, резко увеличившись в объеме, и застыл пышной пористой губкой, которая замерцала золотом.

– Соты... – выдохнул Бруно, глядя на результат так, словно он только что сотворил живую птицу из глины. – Настоящие соты! Лиза, они пахнут летом!

– Пахнут они будут конюшней, если мы не успеем со сливками! – я подпихнула его локтем. – Хватай миску из ледяной воды. Взбивай! Ритмично, восьмеркой! Нам нужно облако, Бруно, нежнейшее облако, а не кусок масла!

В штрафном углу закипела работа, напоминающая слаженный механизм. Бруно взбивал сливки с такой скоростью, что венчик превратился в размытое серебристое пятно, а я, продолжая создавать видимость уборки, шепотом отсчитывала ритм:

– Раз-два, раз-два... Воздух, Бруно! Еще чуть-чуть!

В этот момент в дверях кухни показался незнакомый мужчина в ярко-розовой ливрее. Вид у него был такой, будто он только что вернулся из эпицентра вражеской осады.

– Десерт! – выкрикнул он. – Графиня Розамунда уже начала терять терпение! Вы знаете, что это значит?!

Бруно громко сглотнул и дрожащими руками водрузил на поднос хрустальную вазочку.

Сверху на белоснежном, идеально взбитом пике сливок гордо возвышался золотистый обломок нашей импровизированной медовой соты. Выглядело это очень даже недурно для блюда, которое готовили в таком адовом режиме.

– Иди, – шепнула я Бруно в спину. – И не вздумай споткнуться!

Бруно сорвался с места. Все взгляды на кухне – от Огюста до последнего поварёнка – провожали его, как снаряд, летящий в цель.

У самых дверей Бруно замер, судорожно выдохнул и передал вазочку с сотами застывшему в ожидании слуге.

Тот подхватил поднос с таким видом, будто ему вручили динамит с горящим фитилем, и мгновенно исчез за тяжелыми створками.

Напарник вернулся, едва переставляя ноги. Он буквально рухнул на табурет, размазывая пот по бледному лицу.

– Всё... – прохрипел он. – Теперь только ждать...

В кухне повисла томительная, почти осязаемая тишина. Повара замедлились, поглядывая в нашу сторону. Огюст застыл в центре зала, скрестив руки на груди. На его губах играла самодовольная полуулыбка.

Минута. Две. Пять.

Каждая секунда тянулась, как пережжённая карамель.

Вдруг двери кухни вновь с грохотом распахнулись. На пороге снова возник тот самый слуга в ливрее. Его плечи были опущены, лицо – блее свежепокрашенной стены, а взгляд – абсолютно похоронный.

Он обвёл кухню тяжелым взором и остановился на нашем углу. Огюст радостно подался вперед, но слуга опередил его.

– Графиня Розамунда... – его голос прозвучал загробно, как приговор. – Она попробовала соты.

– И? – не выдержал Огюст, сияя от злорадства. – Требуется голову повара на блюде?

Слуга поднял на него глаза, полные какой-то затаенной скорби, и покачал головой.

– Графиня хочет видеть повара, который готовил этот десерт. Немедленно. Лично.

Глава 21. Ложка дёгтя

Когда за Бруно закрылись тяжелые створки кухонных дверей, мне показалось, что из штрафного угла разом исчез весь воздух.

Напарник ушёл на ватных, негнущихся ногах, прижимая поднос к груди так, словно это была единственная преграда между ним и эшафотом. Его страх невольно передался мне. Я почувствовала, как моё нутро сжалось в тугой узел, а слюна стала горькой.

И мне это ужасно не понравилось.

“Хватит, Елизавета!” – жёстко одёрнула я себя, – “Вердикт ещё не вынесен. Паниковать будешь, если вдруг самодурке что-то не понравится!”

Но в глубине души я понимала, что это был момент истины. Если Бруно получит по шапке и его накажут, я никогда себе этого не прощу. Я ведь буквально вложила ему в руки этот взрывной рецепт!

Минуты тянулись мучительно долго. Повара перешептывались, бросая на меня косые взгляды. В них улавливалось злорадство и плохо скрываемое пренебрежение. Но были и те, кто поглядывал на меня с сочувствием.

Огюст застыл в центре зала, сложив руки на животе и то и дело поглядывая на часы. На его лице застыло выражение нескрываемого предвкушения нашего грядущего провала.

Вдруг двери вновь распахнулись. Бруно ввалился в кухню.

Он был бледным, как свежесмешанное тесто. Его трясло так, что пуговицы на куртке мелко постукивали друг о друга.

Он подошел к нашему углу, глядя прямо перед собой невидящим взглядом, и я похолодела.

Ну всё. Конюшня, жди меня.

– Бруно... – сипло позвала я, когда он поравнялся со мной. – Ты как? Живой?

Он остановился, медленно повернул ко мне голову и разжал кулак.

На его ладони, сверкая в лучах масляных ламп, лежала крохотная серебряная кофейная ложечка. Изящная, с витиеватой гравировкой на ручке в виде переплетенных стеблей роз.

– Ей... понравилось, – пробормотал Бруно абсолютно потерянным, чужим голосом. – Она сказала, что это «дерзкий вкус». И... и пожаловала мне это. В знак благоволения. Сказала, что это реликвия из её личной коллекции.

В кухне воцарилась такая тишина, что было слышно, как шкварчит жир в дальней печи.

Тим и Ларс первыми не выдержали – они радостно гикнули и бросились к Бруно, захлопав его по плечам так, что парень едва не ткнулся носом в столешницу.

– Красавчик! – завопил Тим. – Серебро! Настоящее!

– Бруно! – искренне обрадовалась я за паренька, – Ты молодец! Видишь, как всё здорово обернулось! А ты боялся.

Только он, похоже, не до конца осознал, что именно произошло. Поднял на меня совершенно пустые глаза и бессмысленно спросил:

– Да? Правда?

– Да! – твёрдо заверила я его и ободряюще потрепала по плечу. Бруно несмело улыбнулся и вновь устался на ложечку.

Но триумф длился недолго.

– ТИХО!!! – взвизгнул Огюст.

Его голос сорвался на ультразвук. Шеф-повар подлетел к нам, и я готова была поклясться, что из его ноздрей вот-вот повалит пар. Его лицо приобрело оттенок спелого баклажана, а глаза налились кровью. Он вытаращился на ложечку так, словно она была раскаленным клеймом на его заднице.

– Десять лет! – завизжал он, – Десять лет я вылизывал тарелки для знати, запоминал капризы каждой фрейлины и дрожал над каждым соусом. И за все эти годы великая и ужасная Розамунда Саркс не пожаловала мне даже жухлого огрызка, не говоря уже о личном серебре! А тут какой-то долговязый недотыкомка получает высшую награду за десять минут?! А ну, отдай сюда, ты её недостойн!

И хищно кинулся к ложечке, вытянув вперёд загибающие руки. Но Бруно был начеку и отдернул награду.

– Нет! – тихим, но жёстким голосом отрезал он, – Это моё.

– Это – его! – звонко подтвердила я, втиснувшись между побагровевшим шеф-поваром и Бруно. – Графиня Розамунда, кажется, ясно дала понять, кому предназначался подарок. Или вы, мастер Огюст, хотите поспорить с выбором королевской тетушки? Уверена, она будет в восторге, если узнает, что вы решили самовольно пересмотреть её решение!

Огюст замер и тяжело задышал.

– Ты наглая девчонка! – прошипел он, брызжа слюной. – Ты здесь никто! А он – никчемный подмастерье, который без удачного стечения обстоятельств не способен даже яйцо разбить! Эта ложка должна храниться в моём кабинете как символ престижа всей кухни!

– Престиж кухни создают те, кто на ней готовит, – раздался вдруг густой бас со стороны разделочных столов.

Я обернулась. Это сказал огромный хмурый повар с мясницким ножом наперевес. Он медленно вытер нож о фартук и скрестил мощные руки на груди.

– Парень заслужил, – коротко бросил он, буравя Огюста тяжелым взглядом. – Графиня не дура. Если дала серебро, значит, было за что. Оставь его в покое, господин Огюст.

– Согласен! – подал голос другой повар, который до этого испуганно вжимал голову в плечи. – Мы все видели, как Бруно старался. Это честная награда!

Огюст завертел головой, глядя на своих подчиненных. Его власть, до этого момента казавшаяся незыблемой, дала трещину.

Гул одобрения прокатился по рядам: похоже, повара, уставшие от бесконечных придирок и самодурства начальника, почуяли нужный момент.

Тим и Ларс за спиной повара с ножом и вовсе вызываясь скорчили рожи.

– Вы все... вы все пожалеете об этом! Завтра же... – заверещал Огюст, но в его голосе уже прорезались нотки паники.

– Завтра будет завтра, – перебила я его, сложив руки на груди и победно улынувшись. – А сегодня у графини Розамунды прекрасное настроение благодаря Бруно. Так что, может, вернемся к работе? Конюшня ведь пока отменяется, верно?

Лицо Огюста приобрело совсем уж нездоровый синеватый оттенок.

Он резко развернулся, едва не сбив по пути медный таз, и, выплюнув что-то, наподобии “катитесь ко всем чертям!”, отполз в сторону своего возвышения. Его накрахмаленный колпак при этом обиженно склонился набок.

– Фух... – выдохнул Бруно, когда шеф скрылся в облаке мучной пыли у дальних столов. – Лиза... ты видела? За меня заступились! Впервые! И ложка... она всё еще у меня!

Он прижал серебро к груди, как величайшее сокровище, а я лишь хмыкнула, почувствовав, как внутри разливается приятное тепло. Первый раунд за нами. Но я кожей ощущала полные ненависти взгляды Огюста, которые он то и дело бросал на нас.

Следующие три дня превратились в настоящий шпионский триллер. Огюст, не в силах смириться с поражением, буквально поселился в нашем углу. Он коршуном кружил над нашими головами, следя за каждым движением Бруно и надеясь поймать меня на нарушении запрета “не касаться готовки”.

Мне приходилось проявлять чудеса эквилибристики. Яростно оттирая бесконечные котлы, создавая завесу из пены и грохота, я умудрялась шепотом корректировать каждое движение напарника.

– Медленнее мешай... Добавь щепотку соли, это раскроет сладость... – шипела я под шум воды.

Из перемытых мной котлов и прочей посуды можно было уже построить второй замок.

Бруно каждый раз шепотом сообщал мне вес продуктов, которые он брал. “Двенадцать грамм цедры”, “Восемь грамм корицы”, “Пятьдесят один грамм муки”.

Я слушала его с долей скепсиса – проверить точность его информации без весов было невозможно, оставалось только верить на слово. Но странное дело: десерты выходили безупречными. Словно у парня в кончиках пальцев действительно был встроенный измерительный прибор, и цифры, которые он называл, были единственно верными.

За эти дни мы успели провернуть пару настоящих гастрономических диверсий.

Под моим чутким шипением Бруно сотворил воздушное безе с лесными ягодами, которое повара прозвали “облаком на тарелке”, и пряные яблоки в карамельной глазури, чей аромат заставил всю кухню глотать слюнки.

Даже обычная пшенная каша, в которую я велела добавить капельку обжаренного на масле сахара и щепотку соли, превратилась в изысканный крем.

Я уже начала привыкать к этому безумному ритму и даже получать удовольствие от наших маленьких кулинарных побед, когда ранним утром четвертого дня в мою комнату постукали.

На пороге стояли двое стражников. Их доспехи холодно блестели в свете факелов, а лица были непроницаемы, как каменные надгробия.

– Елизавета? – голос одного из них прозвучал лязгающим металлом. – Пройдемте с нами. Дознаватель Крэйн желает вас видеть. Немедленно.

Сердце ухнуло куда-то в район желудка.

Глава 22. Следственный эксперимент

Дорога до знакомого кабинета дознавателя пролетела как в тумане. Лязг доспехов стражников, эхом отдающийся от каменных сводов коридоров, выбивал в моей голове похоронный марш.

Я судорожно соображала: неужели Огюст наябедничал на меня за что-то? С него станется!

Или кто-то из поваров заметил, что я только прикрываюсь мойкой котлов, а на деле руковожу Бруно?

Я сглотнула. Это было больше похоже на правду. Ну всё, сейчас Крэйн быстренько сошьёт из этого новое дело и радостно прилепит мне на физиономию!

Крэйн ждал меня, сидя за своим столом, заваленным свитками. В слабом свете утра его лицо казалось высеченным из серого гранита. Сесть он мне не предложил.

– Елизавета, – начал он, и я похолодела от его бесстрастного тона. – Пришли результаты повторного анализа тех десертов и вин, что были поданы в церемониальный зал.

Я затаила дыхание, вцепившись пальцами в подол своего рабочего платья.

– В тех бокалах, которые привезли вы, – Крэйн сделал паузу, изучающе глядя на меня, – следов яда не обнаружено. Чисто.

Я почувствовала, как внутри что-то лопнуло – огромное, горячее и давящее. Воздух с шумом вырвался из легких, и я едва не осела на пол от облегчения. Не отравительница! Официально не отравительница! Пронесло!

– Божечки, спасибо... – прошептала я, прижав ладонь к груди. – Значит, я могу идти? Вы же меня для этого вызвали?

– Не спешите, – голос дознавателя был сухим, как старая бумага. – Расслабляться рано. Яд всё-таки был. Но обнаружили его в бокалах, которые стояли на столе до вашего эффектного появления. Смертоносная вытяжка из аконита. Кто-то очень хотел, чтобы король не дожид до заката, и этот “кто-то” подготовился заранее.

– Конечно, подготовился, я же говорила вам! – гневно сказала я, – И не просто говорила, а показывала! Это Селестина подсутилась и...

– Вина леди Селестины абсолютно не доказана, – перебил меня Крэйн, – и советую не разбрасываться подобными обвинениями. Расследование ведётся, так что не сомневайтесь, злодей будет обнаружен.

Я поджала губы, но замолчала. Вот как заставить их поверить? Или подождать, пока Селестина не выдаст себя? Но этак до морковкина заговенья можно ждать! Хорошо ещё то, что она усвистела из замка, подальше от короля.

Да, но у неё вполне могли остаться тут помощники...

Моя радость окончательно померкла. Убийца – или убийцы вполне могут быть тут. Селестина может прекрасно руководить ими издали, уверена, у них тут есть такая возможность удаленной связи.

И она явно не в восторге от того, что какая-то пышнотелая аномалия из другого мира спутала ей все карты!

– И что теперь? – спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Расследование продолжается, – Крэйн сложил пальцы «домиком». – А до тех пор вы остаётесь главной подозреваемой. Мои люди не исключают, что вы могли быть частью заговора или подстраховкой. Обвинения с вас не сняты, Елизавета. Вы продолжите работу на кухне в прежнем статусе.

– В статусе посудомойки? – я не удержалась от горького смеха. – После того как я фактически спасла Его Величество от первой порции отравы?

– Именно так. – Крэйн сухо улыбнулся, и эта улыбка мне совсем не понравилась. – Радуйтесь, что не в темнице. Считайте это щедростью короля.

Я тихонько выдохнула, подавляя желание высказать всё, что я думаю об их “щедрости” и методах следствия.

Спасибо и на этом. По крайней мере, у меня есть мой штрафной угол, Бруно и гора грязных котлов, за которыми можно спрятаться от этого безумного мира. Я уже развернулась, чтобы уйти, мечтая только о кружке крепкого чая и паре часов сна.

– Но есть одно “но”, – остановил меня голос дознавателя. – Его Величество проявил... личный интерес к вашим кулинарным талантам. Видите ли, слухи о “дерзком вкусе” десертов графини Розамунды дошли до его ушей быстрее, чем мой отчёт!

Я медленно обернулась. Внутри шевельнулось недоброе предчувствие.

– Король изъявил желание попробовать что-нибудь, приготовленное лично вами, – Крэйн поднялся из-за стола. – Лично от вас. Это будет единственный раз на данный момент, когда вы будете допущены к плите. Одна. Безо всяких помощников.

Я ошалела от такой нелогичности.

– Подождите... – я принялась загибать пальцы, чтобы хоть как-то навести порядок во всём этом сумбуре, – Вы только что сказали, что я всё ещё подозреваемая! Где логика? Сначала обвинить в отравлении, а потом попросить приготовить десерт? Король что, вообразил себя бессмертным?

Крэйн подошёл вплотную, и в его глазах блеснул странный огонёк. Я на всякий случай попятилась.

– Король Арден никогда ничего не делает просто так. – холодно сказал он, – И он сейчас сам вам всё объяснит. Идёмте.

Вместе со стражницами Крэйн привёл меня в просторную комнату с большими, от пола до потолка, окнами. Я с порога поняла, что это столовая.

Во главе длинного стола, накрытого на несколько персон, сидел Джерард.

Он выглядел пугающе расслабленным, вертя в пальцах пустой бокал. Но не он один привлёк моё внимание.

По правую руку от него, прямая как палка, сидела... Селестина. Она кинула на меня такой взгляд, что мне показалось, что он мог бы заморозить целый океан. Рядом расположились ещё несколько вельмож – я сразу опознала. Видела на той злополучной свадьбе.

Джерард поднял на меня взгляд – пронзительный, ироничный и тёмный, как грозовое небо.

– А вот и наша кухонная ведьма, – произнёс он, и по столовой пронёсся шепоток. – Проходи, Елизавета. Не стесняйся. Мы как раз обсуждали твою дальнейшую участь.

Я сделала несколько шагов вперёд, чувствуя себя бабочкой, припильенной к доске энтомолога.

– Я решил провести небольшой следственный эксперимент, – громко объявил король, обращаясь к присутствующим, но не сводя с меня глаз. – Раз уж мы не можем доказать её вину или невиновность, мы дадим ей шанс. Мне любопытно: отважишься ли ты, пышненькая аномалия, прикончить меня снова, когда все глаза будут устремлены на тебя?

Он поднялся, медленно подошёл ко мне и склонился так низко, что я снова почувствовала этот сводящий с ума запах свежести и хвои.

– Задание простое, – прошептал он, но в тишине зала его услышал каждый. – Ты готовишь для этого стола нечто особенное. Сложное. Многослойное. То, что требует времени и... души. У тебя есть весь сегодняшний день и ночь. Заметь, я милостив и даю тебе прорву времени. Если к завтрашнему утру ты не приготовишь десерт, навечно отправишься на конюшни. Но если он будет так же хорош, как говорят... – он сделал паузу, коснувшись взглядом моих губ. – Что ж, тогда мы поговорим о твоём помиловании.

– Э... э-э... погодите, – выдавила я, чувствуя себя не то в цирке, не то в каком-то бредовом шоу, – а что приготовить-то надо?

– Рад, что ты спросила, – сверкнул глазами Арден, – я хочу, чтобы ты приготовила...

Когда я услышала название десерта, пол едва не ушёл у меня из-под ног.

– Вы что, издеваетесь?!

Глава 23. До рассвета

– Рад, что ты спросила, – сверкнул глазами Арден, – я хочу, чтобы ты приготовила “Золотую пирамиду Ирили”. Это символ старинной династии Ирилов, моих предков. Триста воздушных шариков из теста, наполненных нежнейшим кремом и скрепленных тончайшими нитями янтарной карамели. И чтобы сверху была вуаль из сахара, прозрачная, как крыло стрекозы!

Когда я услышала название десерта, пол едва не ушёл у меня из-под ног.

В моем мире это называлось Крокембуш. И это был кошмар любого кондитера на экзамене, даже если у тебя под рукой современная духовка с конвекцией, планетарный миксер и силиконовые коврики!

А здесь? С дровяной печью и ручным венчиком?

– Вы что, издеваетесь?! – вырвалось у меня прежде, чем я успела прикусить язык. – Триста шариков? В одиночку? И вуаль?! Да вы хоть представляете, какая влажность на вашей кухне? Карамель потечет через пять минут!

Селестина за столом издала тонкий короткий смешок, жеманно прикрыв рот ладонью. Вельможи переглянулись и уставились на меня с нескрываемым любопытством.

– Ты же аномалия, – невозмутимо пожал плечами Джерард. Он сделал шаг назад, заложив руки за спину. Да он будто любит моим возмущением! Клоуна себе нашёл, блин! – А это значит, что у тебя получится всё, даже невозможное.

Вдруг он посерьезнел и сухо бросил:

– У тебя есть время до рассвета, Елизавета. Продукты, дрова, лёд – требуй всё, что нужно. Но если к завтраку пирамида не будет сиять на этом столе...

Он не договорил, но многозначительно кивнул в сторону окна, за которым виднелись королевские конюшни.

– И помни, – добавил он, – я буду пробовать первым. Моли всех богов, чтобы мне не пришлось казнить тебя за плохой вкус. Это было бы... прискорбно.

Будто в тумане, я вышла из столовой, и стражники повели меня по коридору. В голове сам собой с бешеной скоростью закрутился список дел: яйца, масло, мука, заварной крем... и адское количество терпения.

Но это в голове. А снаружи я просто кипела от возмущения!

– Гад! Скотина! Падла высокомерная! – шипела я. Стражники вздрагивали при каждом моём новом ругательстве, но почему-то предпочитали не уточнять, кого я имею в виду.

Хотя это было и так яснее ясного!

Что я ему такого сделала, что он так меня третировает?! Может, я ему напоминаю кого-то, кого он ненавидит? Но я-то тут не при чём! Нафига так надо мной измываться? У-у-у-у!!! В задницу ему надо все эти шарики затолкать! По одному!

Я стиснула кулаки.

На худой конец, взять бы торт и окунуть эту царственную падлу в него мордой!

Но как бы я ни кипела, как бы ни возмущалась, от крокембуша мне не отвертеться...

Похоже, эта ночь будет самой долгой в моей жизни.

Когда Огюст получил приказ короля выдать мне любые продукты и освободить одну из печей, его лицо приобрело цвет спелой сливы. Он не спорил, но его безумный взгляд пообещал мне все муки ада.

– Посудомойка за плитой... – прошипел он, наблюдая за тем, как мне притащили мешок с мукой и корзину отборных яиц, – Это позор для всего замка!

Я его даже толком не расслышала. Я была в трансе.

Начались долгие часы непрерывного бега с препятствиями.

Первые три часа я сражалась с печью, пытаюсь приручить её первобытный жар.

В моем мире достаточно повернуть ручку термостата, а здесь... здесь я чувствовала себя укротителем огненного дракона. Бруно, которому Огюст запретил мне помогать под страхом немедленной казни, сидел в своем углу, бледный как привидение. Он не мог подать мне даже чистое полотенце, но его губы беззвучно шевелились: “У тебя получится, Лиза... у тебя всё получится!”

Тим и Ларс ободряюще улыбались мне, когда я пробегала мимо.

В эти минуты мне была необходима любая поддержка. И я была искренне благодарна им всем за то, что придавали мне сил!

Как известно, заварное тесто не прощает суеты.

Чтобы получить те самые триста идеальных, полых внутри шариков, мне пришлось вручную перетереть гору муки с маслом, вбивая яйца по одному, пока тесто не превратилось в густой, блестящий шелк.

Мой венчик взлетал и опускался сотни, тысячи раз, и мышцы многострадальной руки плеча окончательно превратились в одну сплошную ноющую судорогу!

Но я запретила себе расслабляться. Ничего, перетерплю! Покажу этому венценосному барану, на что я способна!

К полуночи на столах, наконец, высились горы золотистых профитролей.

Я позволила себе одну минуту, ровно шестьдесят секунд, чтобы закрыть глаза и прислониться лбом к холодной каменной стене. Но праздновать победу пока было рано.

Начался марафон с начинкой.

У местных поваров заварной крем обычно выходил комковатым и тяжелым. Я в этом уже успела убедиться за прошедшие дни. Так что я занялась двойной перетиркой желтков с сахаром. Кроме того, каждый профитроль я наполнила вручную, проткнув доньшко тонким ножом. Пальцы сводило, кожа на ладонях горела от мелких ожогов, когда горячий крем случайно капал на кожу, но я упрямо продолжала.

К трем часам ночи началось самое трудное – сборка.

Я варила карамель в тяжелом медном тазу, ловя тот самый неуловимый миг, когда расплавленный сахар превращается в жидкий янтарь.

Секунда раньше – и карамельный “клей” не схватится, и вся конструкция поползёт. Секунда позже – и горечь сожжённого сахара испортит всё.

Один за другим я окунала профитроли в жгучую липкую смесь, выстраивая безупречную конструкцию конус вокруг конусообразного каркаса.

Один неверный наклон – и вся красота поползет вниз, увлекая за собой плоды моей бессонной ночи.

Карамель нахально застывала на пальцах мучительной коркой. Шипя под нос ругательства, я безжалостно отдирала её от кожи, не смея останавливаться.

– Еще немного... – шептала я себе под нос, набрасывая на пирамиду финальный штрих: тончайшую, как паутина, вуаль из карамельных нитей.

За час до рассвета десерт был готов.

Он сиял на огромном серебряном подносе – величественный, безупречный, пахнущий карамелью и моим личным триумфом.

Триста шариков застыли в идеальном равновесии, окутанные сахарным кружевом.

Я тяжело оперлась о край стола, глядя на свои покрасневшие дрожащие руки. В глазах всё плыло от чудовищной усталости. На щеках была мука, волосы выбились из-под чепца и прилипли к вискам, но на губах сама собой играла шальная улыбка.

Я сделала это. Без миксера, без конвекции, в мире, где из кухонных технологий есть только котлы, ухват и вера в лучшее!

Кухня была пуста и непривычно тиха. Повара ещё не пришли на утреннюю смену, угли в печах лениво дотлевали, наполняя зал уютным теплом.

На мгновение мне показалось, что весь замок замер, отдавая дань уважения моему труду. “Всё, Елизавета, выдохни. Самую малость”, – скомандовала я себе.

Ноги гудели так, будто в сапоги залили свинец. Я отошла к раковине, чтобы плеснуть в лицо прохладной водой и хоть немного разогнать липкий сон. Ещё же надо будет тащить крокембуш на пробу этому упрямому ослу...

Только-только успела коснуться ладонями ледяной струи, как тишину кухни разорвал резкий скрип двери и быстрые, почти бегущие шаги.

А следом – оглушительный грохот металла о каменные плиты.

Я подпрыгнула и в панике обернулась. От того, что я увидела, сердце подпрыгнуло к самому горлу.

– Нет!! – вырвался у меня сдавленный крик, мгновенно переросший в хрип.

Огромный серебряный поднос валялся вверх дном, а вокруг него в грязной кухонной пыли растекалось бесформенное месиво из раздавленного теста и нежного крема.

Триста профитролей, каждый из которых я выпекала и начиняла вручную, превратились в жалкие руины. Золотистая вуаль из сахарных нитей, над которой я тряслась весь последний час, теперь напоминала грязное разбитое стекло.

А рядом, картинно заламывая руки, стоял Огюст.

Его лицо было искажено гримасой фальшивого ужаса, но в глазах, которые он вскинул на меня, полыхало такое дикое, неприкрытое торжество, что меня едва не стошнило.

– Ох! Какая невообразимая, какая досадная катастрофа! – запричитал он, и его голос эхом разлетелся под сводами пустой кухни. – Елизавета! Я зашёл проверить, как идут дела, и споткнулся об этот злосчастный порог... Я хотел подхватить блюдо, но... ох, какой позор! Какой ужасный позор для нас всех!

Я смотрела на обломки своей ночи.

Десять часов марафона. Сожжённые пальцы. Моя единственная надежда на помилование и нормальную жизнь – всё это медленно впитывалось в щели между камнями пола.

Огюст медленно выпрямился, перестав причитать. Он подошёл ближе, и в его вкрадчивом шёпоте прорезался металл:

– До рассвета меньше часа, девчонка. Совсем скоро король Арден прикажет подать десерт к завтраку. Боюсь, он не оценит... – он брезгливо ткнул носком сапога в липкую кучу у своих ног, – твоё новое видение кулинарного искусства. Похоже, конюшни – это самое мягкое, что тебя ждёт!

Глава 24. Разрушенная иллюзия

Я медленно подняла голову. Усталость, сбивающая меня с ног секунду назад, испарилась, сгорев в ослепительной, ледяной вспышке ярости. В голове вдруг стало удивительно ясно и пусто.

Огюст, ухмыляясь, смотрел на меня. Он ждал моих слёз. Ждал, что я упаду на колени и взвою от бессилия.

Но он очень плохо меня знал. Я привыкла работать в аду, когда заказы горят, официанты тупят, а оборудование выходит из строя в самый пик!

– До королевского завтрака осталось сорок пять минут, Елизавета, – пропел он, вальяжно прислонившись к разделочному столу и скрестив руки на груди. – Может, соберешь это ложкой?

И брезгливо ткнул пальцем в руины крокембуша на грязном полу.

Я промолчала, но смерила его таким взглядом, что он осёкся.

А я уже вошла в режим боевой готовности. Мой взгляд придирчиво сканировал кухню.

Времени на новую партию теста не было, да и на сборку нового крокембуша уйдёт вечность. Однако у меня созрел лихорадочный план, и если всё пойдёт, как надо, то может и работать...

На одном из столов я заметила вазу. Там лежали три крупные, медово-желтые груши. Отлично. Они и послужат основой.

Я рванулась к ним.

– О, решила перейти на фруктовую диету? – Огюст издал сухой, лающий смешок. – Похвально, Елизавета. Судя по твоим... кхм... пышным формам, тебе давно пора отказаться от теста и сахара. С такой фигурой только у раковины и стоять, а не ко

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.